

Наваждение. Лучшая фантастика - 2022

Автор:

Алексей Пехов

Наваждение. Лучшая фантастика – 2022

Алексей Юрьевич Пехов

Юрий Николаевич Бурносов

Сергей Иванович Недоруб

Эльдар Фаритович Сафин

Максим Ахмадович Кабир

Андрей Геннадьевич Лазарчук

Леонид Александрович Каганов

Александр Викторович Сальников

Евгений Юрьевич Лукин

Михаил Гаёхо

Сергей Лукьяненко

Марина и Сергей Дяченко

Иван Сергеевич Наумов

Андрей Синицын

Книги Сергея Лукьяненко

Слово «наваждение» заимствовано из старославянского языка и означает «обманчивое видение, внушенное злой силой», «дьявольские козни». Все, что происходит сейчас вокруг среднестатистического жителя планеты Земля, сегодняшнюю реальность, иначе как наваждением назвать нельзя.

Не смогли пройти мимо этой проблемы писатели-фантасты. Одни экстраполируют нынешние процессы в будущее, другие ищут пути выхода из сложившейся ситуации, третьи облачают факты в форму притчи. Есть среди них пессимисты, есть оптимисты.

Но точно нет равнодушных.

Читайте ежегодник издательства АСТ, который содержит самые яркие произведения года от ведущих авторов русскоязычной фантастики!

Наваждение: лучшая фантастика – 2022

© А.Т. Синицын, составление, 2021

© Коллектив авторов, 2021

© ООО «Издательство АСТ», 2021

Евгений Лукин

Наваждение

Месяц назад имплантировали мне хрусталики – и оказалось, что раньше я жил в потемках. А тут словно свет включили. Мир обрел четкость, оброс

подробностями. Событие, несомненно, радостное, однако в чем-то и прискорбное. Как выяснилось, за пару лет моего блуждания в сумерках многое изменилось, причем далеко не в лучшую сторону. Я о людях, разумеется. К собакам, кошкам, воробьям, деревьям – никаких претензий. К архитектуре, кстати, тоже – город у нас заметно похорошел.

Но люди...

Вот на светофоре зажегся красный. Проспект взбурлил машинами. Останавливаюсь, смотрю на противоположную его сторону. Там ожидают зеленого света четверо прохожих. До прозрения моего они представляли бы собою набор размытых цветowych пятен. Теперь же различаю все в деталях.

Думаете, они сознают, что стоят на переходе? Черта с два! По крайней мере трое из них наверняка пребывают не то в дополненной, не то в виртуальной реальности. Каждый во власти своего наваждения. Один приосанился, залихватски подкрутил воображаемый ус – явно мнит себя кавалергардом, завидевшим карету куртизанки. Второй замер навтыжку и, вылупив глаза, отдает светофору честь, хотя по правилам к пустой голове руку не прикладывают. Третий сдернул бейсболку – вот-вот отвесит поясной поклон то ли царскому поезду, то ли крестному ходу.

Идиоты...

Четвертый (вернее, четвертая) вроде бы из нормальных: угрюмо косится на остальных.

* * *

Пока я не обратился за помощью в микрохирургию глаза, все это не слишком замечалось, а стало быть, не раздражало. Теперь раздражает. Какое-то вокруг массовое бегство из действительности, чуть ли не поголовное. Неужели им здесь так плохо, так скучно?

Невольно стал прислушиваться к телевизору, узнал много нового. Мне уже, например, известно, чем виртуальная реальность (ВР) отличается от дополненной (ДР). Первая создает целиком придуманный мир, вторая всего-

навсего редактирует нашу обыденность. При этом она пользуется маркерами, то есть по размерам предмет остается прежним, меняется только внешне. Вот, скажем, перед вами клумба причудливой формы. А на самом деле несанкционированная свалка мусора тех же очертаний.

Убейте – не понимаю! Запах-то все равно прежний! Хотя, я слышал, теперь и в ноздри что-то вставляют. Какой-то там имитатор ароматов...

И все равно! Чем обманывать себя, не проще ли взять лопату и разбить на месте мусорки настоящую клумбу? Тем более что серьезные люди именно так и поступают – город-то, повторяю, год от года становится красивее.

Нет, это их не устраивает. Тошно им в современности. Подавай им Париж времен кардинала Ришелье. И не такой, каким он был на самом деле, вонючий и грязный, а романтический, киношный.

Впрочем, какое там кино? Выродились вконец! Ну ладно, книг не читают, телевизора не смотрят, но ведь и за компьютером не сидят, смартфона ни у кого в руках не увидишь! Вправит в глаза контактные линзы, нажмет кнопку – и вот он уже в Париже... Ну не обязательно, конечно, в Париже. Про Париж я так часто вот почему: задел нечаянно плечом одного на улице – тот на дыбки:

– Вы толкнули меня, шевалье! – И вроде как за шпагу хватается, которой нет.

Не стоило бы, конечно, связываться – здоровый мужик, гораздо моложе меня, но уж больно обидно стало.

– Ты! – говорю. – Шевалье твою мать!..

И давай его костерить по-стариковски! Всю родословную перебрал. Слушает с надменно-изумленным видом и в чем-то вроде сомневается. Дослушал, смягчился, кивнул свысока:

– Вполне удовлетворен вашими извинениями, шевалье. Но впредь будьте осмотрительнее.

И шествует дальше.

Стою, как дурак, гляжу ему в спину. Слова, понятное дело, кончились.

Интересно, кем я ему привиделся? Русскоязычным гвардейцем кардинала или каким-нибудь лавочником Бонасье? Наверное, лавочником... Хотя нет. Раз шевалье – значит, дворянин.

Хорошо, хоть до рукопашной не дошло. Я потом выяснил: в случае причинения вреда здоровью (его здоровью, естественно) самому бы мне точно не поздоровилось. Виртуальный мир тоже считается теперь имуществом, а я, стало быть, на него посягнул.

Так и подмывает спросить: скажите, а умирать вы тоже будете виртуально?

* * *

Но что ж я все о плохом-то?

Заодно прояснилось и высветилось много чего приятного. В частности, семейная жизнь. Кончились наши терки, мир наступил. Оказывается, подслеповатость моя супругу просто бесила. Подслеповатость и упрямство. Честно говоря, на операцию я согласился только потому, что Ксюша мне уже плешь проела. Теперь счастлива. Расцвела. Помолодела. Кроме шуток – лет этак на десять.

– Ты мой ушастенький зайчик, – с нежностью сообщает она мне.

Давненько я ничего подобного от нее не слышал.

– Да цыпа ты моя! – с чувством отвечаю я ей.

Так вот и живем. Вроде как второй медовый месяц у нас.

А то, что вокруг сплошные виртуалы, лишь подчеркивает реальность наших отношений. При Ксюше я даже перестаю сердиться на окружающих, всеобщее безумие начинает казаться мне забавным и не более того.

Позавчера, например, подходит ко мне на улице некто с остекленелым взглядом. Извиняется, отводит в сторонку и спрашивает, понизив голос:

– Батя, который нынче год?

Глазом не моргнув, отвечаю:

– Сто двадцать первый до Сотворения Мира.

Все равно ведь услышит не то, что сказано, а то, что ему динамики в уши подадут. А я не я, и внешность не моя – так, набор маркеров, по которым выстроено неведомое мне изображение.

– Число? Месяц? – продолжает допытываться он.

– Мартобря восемьдесят шестое.

Лицо его озаряется счастьем.

– Получилось... – выдыхает мечтательно. – А где завод Михельсона?

– Вон там. – Указываю на стоматологию.

Рассказал об этом Ксюше. Долго смеялись.

* * *

Нет, безумие, разумеется, не всеобщее – насчет всеобщего это я, каюсь, того... переборщил. Психически здоровых людей, обитающих исключительно в реале, осталось еще вполне достаточно. Есть с кем поговорить. Правда, такое ощущение, будто и с ними не все в порядке.

Пока ругаем виртуалов – полное единодушие. Иногда мне даже защищать приходится этих шибанутых – уж больно грубо о них отзываются. Именуют врушками (ВР), дурками (ДР), а то и вовсе неприлично.

Но едва речь заходит о настоящей сегодняшней жизни, я, право, теряюсь. И ее тоже, представьте, ругают. Чем недовольны?

Губернатор у них сволочь, депутаты взятки берут, материальные средства распилены, дороги не ремонтируются...

Да почему же не ремонтируются? Не знаю, как там насчет губернатора, депутатов и прочего, но дороги-то – вот они! Дороги, тротуары... Ну, может, на окраинах где-нибудь асфальт покоцан, а в центре-то все идеально.

Кажется порою, что собеседники мои лишь прикидываются вменяемыми, а сами тоже обитают в какой-то там дополненной реальности. Вернее, даже не в дополненной, а наоборот... Как бы это выразиться?.. В изъятой?..

Того нет, этого нет, все им плохо...

– Ты, главное, зайчик, не расстраивайся, – успокаивает меня Ксюша. – Обычные либерасты...

– Нет, погоди! – протестую я. – Это что ж получается? Кто не виртуал – тот либераст?

– А Вадик твой?

* * *

Да, действительно. Вот с Вадиком мы родственные души. Ровесники – оба молодые пенсионеры (это, представьте, такой официальный термин). Сидим на лавочке в сквере, у каждого – по банке пива. Небольшая измена принципам: оболочка банок выполнена с помощью ДР-технологий. Стоит вскрыть, оформление меняется – так что в руках у нас теперь отнюдь не алкоголь, а невинный тонизирующий напиток. С виду.

Полиция, во всяком случае, к нам ни разу еще не цеплялась.

– Я что, против мечтаний? – возмущается Вадик. – Мечтайте на здоровье! Но делайте это сами! А у них даже грезы покупные... Хорошо, если на заказ! А в основном-то – типовой продукт, ширпотреб...

Подружились мы с ним мгновенно. Полмесяца назад увидел его в толпе и принял за полузабытого знакомого – такое у него было умное и приятное лицо.

– Все как всегда... – утешаю я, смакуя по глоточку холодное горьковатое пиво. – Взять кинематограф. Тоже ведь фабрика грез.

– Фабрика, – вынужден согласиться он. – Но там хотя бы присутствовала условность: вот ты – вот экран... А тут – полная иллюзия.

– Зато, говорят, наркотиков меньше потреблять стали.

Вздыхает, делает глоток.

– Так-то оно так... Хотя, знаешь, надо еще прикинуть, что вреднее...

Из боковой аллеи показывается полная дама в облегающем спортивном костюме. Хищно озирается, затем внезапно исчезает за ближайшей скамейкой. Не иначе секретный агент 000. Миссию выполняет, а то весь мир медным тазиком накроется. Интересно, где она сейчас? В Багдаде? В Чикаго? В Караганде?

– Ну вот тебе пример, – говорю я. – Видишь? За лавкой присела. Какая-никакая, а гимнастика. А то валялась бы на диване перед телевизором. Так, глядишь, и вес сбросит...

Люблю иногда грешным делом противоречить сам себе. В данном случае – своему альтер эго. Проверяю таким образом на прочность собственные взгляды.

Дама тем временем выскакивает из-за скамейки, дважды стреляет в нас из незримого пистолета с глушителем и, пригнувшись, семенит наискосок через центральную аллею. Мы с Вадимом, надо полагать, представляем ей в данный момент парой трупов. Секретные агенты не промахиваются.

– Слушай, – задумчиво говорит Вадик. – А ведь мы в сумасшедшем доме...

Полностью с ним согласен. Но возразить все же необходимо, иначе наш спор выродится в беседу. А в беседе истина не рождается.

– Нет худа без добра, – замечаю беспечно. – Вот, скажем, попаданцы. Заказал он себе виртуалку начала девятнадцатого века. Будет учить Александра Первого самолеты строить – против Наполеона...

– А сам в самолетах ни бум-бум, – вставляет Вадим.

– Не важно. Главное, намерения-то у него – благие...

– Ага! А благими намерениями, знаешь, что вымощено?

– Знаю.

– Да чепуха это все... – брезгливо морщится Вадик. – Думаешь, он Александру Благословенному помочь хочет, хотя бы и понарошку? Или там исполнить священный долг перед виртуальным Отечеством? Он состояться хочет как личность! Здесь-то, в реале, у него ни фиги не выходит... И не выйдет!

Единым махом он допивает пиво, и банка преображается: программа отработала – в руке теперь прежняя тара из-под слабоалкогольной продукции. Вадим приподнимается, выбрасывает улику в урну.

– По правде говоря, – озабоченно признается он, снова присаживаясь рядом, – меня беспокоит другое. Язык...

– В смысле?

– Ну вот смотри... – начинает он – и вдруг умолкает.

– Куда смотреть?

– А вон туда... – И Вадик кивает на приближающуюся к нашей скамейке молодую пару.

Идут в обнимку. Она крутит головой направо-налево, а он ей на что-то указывает свободной рукой. Такое впечатление, будто девушка впервые попала в некий музей, а юноша демонстрирует экспонаты.

– Тише! – предостерегает меня Вадим. – Слушай...

Я вслушиваюсь. Пара проходит мимо.

– Гля!.. – сыплются незрелые юношеские междометия. – Во!.. А?.. Нифигасе?..

Вид у девушки малость оторопелый.

– Вот и все, что требуется сейчас от языка, – выждав минуту, печально подытоживает Вадим.

– Позволь... Что это было? – спрашиваю я, глядя вслед странной парочке.

– Банку выброси, – советует он.

– А?.. – Смотрю на опустевшую и, стало быть, демаскированную банку. Да, лучше от нее избавиться, что я и делаю. – Ну так... все-таки?

– Кавалер подключил барышню к своей дополненной реальности, – холодно поясняет Вадим. – И не нужно никакого словесного общения. Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать...

– Хм... – Я задумываюсь. – Слушай, но ведь к тому все шло! Чем рассказывать о чем-нибудь, проще сфоткать, отснять сюжет, потом показать... Да, ты прав. Скоро и говорить разучимся...

* * *

– Ну слава те, Господи! – слышится сварливый женский голос. – Хоть двое нормальных! А то кого ни встретишь – сам отдельно, башка отдельно!..

Вскидываем глаза и видим перед собою тетеньку весьма почтенного возраста и не весьма почтенной наружности – то, что во времена Антона Павловича Чехова именовалось словом «халда». Судя по всему, соскучилась по общению. Бесцеремонно плюхается на скамью, сотрясши ее до трубчатых опор, ибо весит изрядно.

– Я чего говорю-то?.. – воинственно обращается она к нам, причем так, словно мы тыщу лет с ней знакомы. – Повзбесились все! Ну молодежь – ладно, а старичье-то что творит, а?.. Выхожу сегодня из подъезда, гляжу: Марья сидит из двадцать третьей квартиры. Подсела к ней, говорю: «Ну что, Марья?..» А она мне в ответ, можете себе представить: «Бонжур, – говорит, – принцесс! Что ж это вас, княжна, вчерась на ассамблее-то не было? Петр Алексеич, – говорит, – такого страх не любит! Будет вам, княжна, реприманд...» А?! – ядовито переспрашивает подсевшая. – Реприманд! Ничего себе?..

– Д-да-а... – переглянувшись, сочувственно покручиваем головами.

– А все мэр!

– Опаньки! – округляет глаза Вадим. – А он-то тут с какого боку?

– С какого? – закусывает удила неистовая наша собеседница. – А кто им потакает – всем этим придурочным?..

– Мэр? Потакает? Зачем?

– Как зачем?! Как зачем?.. Крыши-то у всех – уехавши! Никто ж не видит, до чего он город довел!

– А до чего это он его довел? – не выдержав, вмешиваюсь я. – Вот сидим мы с вами в скверике... Чистота кругом, порядок. Газоны подстрижены...

Словно очнувшись, тетка оглядывается по сторонам, причем лицо ее становится на диво тупым. И впрямь: ухоженные газоны, новенькие урны, гравийные дорожки. Внезапно встает и, отступив на шаг, озирает нас с презрительным изумлением.

– Тьфу! А я их, главное, за здоровых приняла! У, дурки!..

Поворачивается и уходит.

Очумело смотрим друг на друга – и начинаем нервно смеяться.

* * *

Что за притча: кроме нас с Вадиком, реальность в чистом виде не нравится никому. Одни ее бранят, другие из нее бегут.

– Ушастенький, – ласково втолковывает мне Ксюша. – Знаешь, почему тебе кажется, что все вокруг хорошо? Потому что у нас с тобой все хорошо! Только поэтому... Ты хоть раз Вадика о его семье спрашивал?

– Н-нет...

– Ну и зря! Спроси... Уверена, живут душа в душу...

Свежая, радостная, моложавая. Элегантный приталенный халатик, пушистые тапки с ушками. Где были раньше мои глаза? Нет, даже не так... Где были раньше мои хрусталики-импланты? Еще одна трогательная привычка, которой я раньше, естественно, не замечал: влюбленно на меня глядя, Ксюша временами касается губ кончиками пальцев, словно хочет послать мне воздушный поцелуй.

Спохватываюсь, подхожу украдкой к зеркалу, всматриваюсь в собственные поврежденные возрастом черты. Да тоже в общем-то ничего, сойдет... Выгляжу, конечно, постарше супруги, но так и положено!

А насчет семейного счастья она, пожалуй, права. Даже страшно представить себе домашний быт гражданочки, составившей нам компанию в сквере. Вполне понятно, что жизнь, куда ни плюнь, должна представляться такой особе в исключительно мерзком виде.

А ведь в каком-то смысле это тоже дополненная реальность. Реальность, дополненная постоянными склоками.

Хотя, если так рассуждать, сюда все что угодно можно за уши притянуть – вплоть до цивилизации в целом. Взять, к примеру, ту сценку на переходе, с которой я начал. Трое придурков, вообразивших себя бог знает кем, и одна нормальная. Ждут зеленого света. А представим на минутку, что проезжая часть пуста в обе стороны. Тогда что? Тогда у нас уже четверо придурков: машин нет, а они стоят. Почему? Да потому что светофор – это тоже дополненная реальность. Как и любой закон, как и любая условность...

А Вадика про его семейную жизнь я обязательно выпрошу.

* * *

Приятеля моего я заметил издали, стоило войти в сквер. Сидит на той же скамье, в руке – все та же банка-оборотень. У меня, кстати, тоже, только еще не вскрытая.

Но, как подсказало мне обострившееся с некоторых пор зрение, что-то с Вадимом на сей раз было не так: опущенные плечи, остановившиеся глаза. Уж не стряслось ли чего?

– Случилось что-нибудь? – встревоженно спросил я, поздоровавшись.

Взгляд его прояснился не сразу.

– Случилось?.. Д-да... пожалуй... Ты садись.

Я сел.

– Банку вскрой.

Вскрыл. Рисунок мгновенно сменился. Было пиво – стал тоник. Якобы.

– Ну?..

– Что «ну»?

– То, что мы оба с тобой идиоты.

– Оч-чень мило... А подробнее?

– Мы же не должны это видеть, – сдавленно проговорил Вадим. – Это дополненная реальность! Чтобы ее увидеть, специальное оборудование нужно... очки, контактные линзы...

Поначалу я его просто не понял. Уставился на свою банку, сию моргаю.

– А ну-ка честно! – потребовал он. – С глазами в последнее время что-нибудь делал?

– Д-да... импланты вставил... хрусталики...

Вадим обессиленно уронил голову на грудь и некоторое время пребывал в неподвижности.

– Позволь... – ошеломленно начал я. – Ты хочешь сказать...

– Ничего я не хочу сказать. Я уже все сказал.

– То есть, по-твоему... Мои импланты – это еще и...

– Вот именно.

– Да что за ерунда?! – Меня подбросило с лавки. – Это же незаконно! Подключить человека к виртуалке можно только с его согласия!

– Ты мне вот что ответить... – глухо отозвался он, по-прежнему не поднимая головы. – Ты там какие-нибудь документы подписывал? Перед операцией...

– Подписывал.

– А читал?

– Нет... Ксюша читала...

Я осекся.

– Это что же... Выходит, без меня меня женили?

– Выходит, так... – мрачно подтвердил Вадим. – И не одного тебя, заметь...

* * *

В микрохирургии глаза послали меня в кабинет к юристу – величавой, но милостиво настроенной даме.

– Ах, мужчины-мужчины... – пожурела она меня с улыбкой. – Когда ж вы с бумагами работать научитесь? Подмахнут не глядя, а потом давай крайних искать...

– Но я же не просил!

– Как это вы не просили? – Из ящика стола на свет божий немедленно появилась папочка, а из папочки – отпечатанное на принтере заявление с моей подписью.

– Что-нибудь можно сделать? – хрипло спросил я.

– А что бы вы хотели?

– Отключиться от виртуальной реальности!

– От дополненной, – поправила она. – Виртуальная обошлась бы вам дороже.

– Ну от дополненной!

– Вам не нравится ваша нынешняя семейная жизнь?

Тут я призадумался. Стало зябко.

– Мне вот, например, – со сдержанной грустью призналась дама, – по условиям контракта дополненной реальностью пользоваться вообще запрещено. А я бы, знаете, не отказалась. Столько бы нервов сэкономила...

Я готов уже был поддаться ее обаянию, когда внезапно вспомнилась тетенька, выскочившая из-за скамейки с незримым пистолетом в руке. Ну и чем мы с Вадимом, спрашивается, лучше? Тем, что воображаем себя не секретными агентами, но счастливыми мужьями?

– Это ваше дело! – твердо сказал я. – А меня, пожалуйста, отключите.

– Ну так отключитесь. В чем проблема-то?

– Отключиться... самому?

– Ну да. С помощью пульта.

– А как он хоть выглядит?

Очарованная моим невежеством, дама лишь покачала головой.

– Вот... – Снова выдвинула ящик стола и извлекла оттуда простенькое с виду устройство.

* * *

Пульт, как я и предполагал, нашелся в Ксюшиной косметичке.

Взял его – и, признаюсь, замер в нерешительности. Стало вдруг тоскливо, страшновато: вот коснусь сейчас кнопочки – комната померкнет, расплывется, и окутают меня те же смутные сумерки, что и полтора месяца назад...

Ничего не померкло, всего лишь мигнуло, а спустя пару секунд я сообразил, что и не должно было померкнуть – хрусталики-то никуда не делись, просто отцепились от программы. Наше уютное гнездышко разом обветшало: в углах

потолка зашевелилась паутина, на полу возник сор, обои местами отстали и свесились.

Рискнул заглянуть в зеркало. Какой кошмар! Наверное, все-таки Ксюша была права: ежедневно смотреть на это морщинистое злобное рыло... Хотя позвольте! Хрусталики-то вставили мне, а не ей...

И кажется, не только хрусталики. Звуки и запахи тоже изменились: из кухни потянуло горелым луком, за окнами зазвучал приглушенный мат и загрохотали контейнеры, водружаемые на мусоровоз.

Метнулся к незанавешенному окну. Боже... Наш славный ухоженный и выметенный дворик обратился в подобие свалки: обломки асфальта, выбоины, бродячие пластиковые пакеты...

Я вскрикнул и отшвырнул пульт с такой силой, что, ударившись об пол, он улетел под скомканное семейное ложе.

А потом вошла Ксюша. Надо полагать, услышала мой взвизг.

Дранный халатишко, брюзгливое обвислое лицо... По-моему, она была в поддании. Знакомым жестом коснулась губ кончиками пальцев, только вот между средним и указательным дымилась сигарета. Она что же... курит? И обоняние подтвердило: да, именно так.

– Что, злыдень?.. – цинично кривя рот, сказала мне она. – Все воображаешь, будто я перед тобой по одной половине хожу? У, мудило господне... Глаза б мои тебя не видели...

Что же я должен был услышать, если бы не нажал кнопочку? «Заинька ты мой ушастенький, ну почему ты опять такой расстроенный?..»

Нет, уж лучше наваждение, чем такая правда!

– Да на хрен бы ты мне был нужен, – продолжала она между тем, – если б не пенсия твоя ветеранская-инвалидская! Сколько лет ты меня доставал, пятка слепая!.. И как я сразу не догадалась бельма тебе вставить?..

Стряхнула пепел прямо на ковер и с видимым удовольствием затаилась.

– Главное, дешево и сердито, – злорадно ощерясь, сообщила она. – За подключение к муниципальной программе – семьдесят пять процентов скидки! Вот и подключила... Пускай тебе еще и мэрия башку поморочит...

Какое это, должно быть, наслаждение – выкладывать дураку-мужу голую правду, точно зная, что тот ни хрена не услышит!

В следующий миг она увидела ужас в моих глазах – и все поняла.

– Пульт... – прохрипел я. – Где пульт?..

И кинулся на четвереньках под койку.

Вдруг не разбился!

Июль – август, 2020

Бакалда – Волгоград

Сергей Лукьяненко

Дураки и дороги

Кондратьев был высоким, грузным, загорелым дочерна – настоящий рабочий человек, проводящий дни напролет под палящим солнцем, ветром и дождем. Не верилось, что он – начальник Трассы на участке Москва – Калуга, скорее казалось, что Кондратьев только что вылез из-за рычагов грейдера или скрепера. Защитного цвета бриджи и расстегнутая цветастая рубашка на нем смотрелись солидно, будто генеральская форма.

Колков рядом с Кондратьевым выглядел неубедительно. Тощий, сутулый, бледнокожий, в старомодных очках, в слишком жарком для лета костюме – типичный кабинетный ученый. Собственно говоря, им он и был.

– С самого начала знал, что ерунда получится, – сказал Кондратьев, вытирая пот со лба. В голосе Кондратьева было не то чтобы удовлетворение, но легкое торжество. – Но такого даже я не ожидал. Можете объяснить, профессор?

– Я не профессор, – привычно возразил Колков, поправляя очки. – Разбираться надо...

– Так разбейтесь.

Они стояли на выжженном солнцем поле, рядом с ровной черной лентой Трассы. Две полосы в каждую сторону, прямая будто стрела и ровная как стол Трасса казалась сделанной из хорошего асфальта. На большем участке так и было, но вот этот участок, экспериментальный, к асфальту не имел никакого отношения. Никакой строительной техники поблизости не наблюдалось, как и вообще следов человека. Лента дороги тоже была пуста. Даже внедорожник Кондратьева, на котором они приехали, стоял в сторонке. Одуревший от жары кузнечик выпрыгнул на ленту дороги, замер на секунду – и вдруг резко отпрыгнул назад.

– Даже безмозглым насекомым ваша дорога не нравится, – сказал Кондратьев. Теперь удовлетворение в его голосе было явным.

– Хорошая дорога, – рассеянно сказал Колков. – А кузнечик... все правильно. Дорога насекомых и прочих мелких животных отпугивает. Чтобы меньше погибали, не пачкали ветровые стекла...

– Гуманизм, – насмешливо сказал Кондратьев. – Ясно. И куда нас завел ваш гуманизм? А завел он нас в... – начальник Трассы выразительно замолчал, глядя вперед.

Впереди дорога внезапно начинала углубляться в поле. Вначале возникала колея, потом резкий спуск, стены которого облицовывала та же самая черная масса, из которой состояла дорога. Потом спуск окончательно заглублялся, и дорога ныряла в туннель. Черный провал уходил куда-то вглубь.

– Дорога вновь выходит из-под земли через десять километров, – сказал Кондратьев с тоской в голосе. – Вы понимаете, что сотворили? Десятикилометровый туннель. Не въехать, не выехать.

– Тут и не предусматривались никакие съезды, – возразил Колков. – Места пустынные, деревеньки и то в стороне.

– Сейчас нет, а завтра – да. Ну а водителям что за радость? Ехали, пейзажем любовались, вдруг дорога ныряет в туннель на десять километров! Вы понимаете, что это вопрос безопасности?

Колков кивнул. Присел на обочине, достал похожий на телефон приборчик, прижал к покрытию дороги. Экран прибора засветился зеленым, появились какие-то строчки сообщений, но Колков не стал их читать.

– Все в порядке, – сказал он. – Наноботы функционируют, дорога рапортует об исправном состоянии. Надо разбираться.

Кондратьев несколько мгновений смотрел на Колкова сверху, потом вздохнул и присел на дорогу. Спросил более миролюбиво:

– Слушай, почему она называется самодвижущейся?

– Потому что сама движется, – сказал Колков, – сама себя строит. – Перочинным ножиком он с заметным трудом отковырял от дороги крошечный кусочек покрытия. Бросил в стеклянный флакон, закупорил. Потряс флакон, посмотрел на свет. Спрятал в карман.

Кондратьев с сомнением посмотрел на Колкова и сказал:

– Строила сама, а сносить будем мы. К чертовой матери. И строить обычным образом.

– Из-за туннеля – срывать сто шестьдесят километров дороги? – поразился Колков.

Кондратьев насмешливо посмотрел на него.

– Ты меня за дурака-то не считай. Что такое твоя «самодвижущаяся дорога»? Нет, не отвечай, сам скажу. Колония наноботов. Заданы начальная и конечная точки пути. Заданы ширина дороги, допустимые уклоны и повороты. А дальше наноботы начинают питаться солнечным светом и перерабатывать грунт в дорожное полотно.

– Не совсем так. Полотно – и есть наноботы. Они сцепляются между собой, образуют дорогу и впадают в спячку. Только когда дорога повреждается, они просыпаются и восстанавливают ее. Никакого ремонта, никакого ухода – дорога вечная... – Колков пристально посмотрел на Кондратьева. – Так вот что вам не нравится? Такие дороги вас без работы оставят?

Он ковырнул пальцем дорогу. Щербинка в покрытии на глазах заплывала, затягивалась.

– Дурак ты, – беззлобно сказал Кондратьев. – На мой век работы хватит. Лучше скажи, как управляются наноботы? Есть центральный компьютер?

– Нет. Она сама по себе – компьютер. Каждый нанобот – крошечный элемент системы. Чем длиннее дорога, тем больше вычислительная мощность.

– Вот, – кивнул Кондратьев. – Ты, дорогой профессор...

– Я не...

– Создал...

– Не я один...

– Саморазвивающийся живой организм. Пока вы на полигоне строили трассы – все было в порядке. Ваша дорога не была слишком уж умной. А тут – сто шестьдесят километров широкого полотна. Тут вычислительная мощность выше любого суперкомпьютера, верно? Ну, поздравляю, дорогой профессор, вы создали монстра! Он хочет жить и расти. Забетонировать всю Землю, превратить ее в ровный шарик. Вот потому твоя дорога и нырнула в глубину.

Спряталась, понимаешь? Может, она сейчас туннели повсюду роет.

– Не может такого быть, – упрямо сказал Колков. – Вы словно старых фильмов ужасов насмотрелись. Если соединить миллион калькуляторов, они разумными не станут. Да, это компьютер, но он неразумный, он лишь выполняет программу – проложить Трассу от Москвы до Калуги.

– Объясни, зачем дорога нырнула под землю?

Колков молчал.

– Доставай свою ампулу, – жестко сказал Кондратьев. – Давай, не тяни. У меня в Калуге бабушка, между прочим, я тебе не позволю бабушку заасфальтировать.

Колков достал из кармана пиджака металлическую коробочку. Открыл – внутри лежала стеклянная ампула с тягучей красной жидкостью.

– Выключай, – сказал Кондратьев. – Бей ампулу, выключай дорогу.

– Она же в пыль рассыплется. Весь труд насмарку! Дорога ведь остановилась, она никуда за разрешенные границы не вышла, ничего не испортила!

Кондратьев встал, огляделся. Решил:

– У тебя полчаса. Сможешь мне убедительно объяснить, почему твои наноботы решили в шахтеры податься, – оставим дорогу. Нет – уничтожим.

Колков тоже встал. Снял очки, протер, спрятал в карман. Снова достал и водрузил на нос. Возмущенно сказал:

– Это так не делается. Надо извлекать из наноботов логи их действий, находить цепочки принятия решений. Процесс на несколько недель как минимум. Но я вас уверяю, внутренняя логика наноботов не позволит им причинить вред людям. Это жесточайшее правило, уверяю вас, оно прошито на физическом уровне...

– Двадцать девять минут, – сказал Кондратьев.

Колков вздохнул. Перешел дорогу, посмотрел в отверстие туннеля. Спросил:

– Что там внутри?

– Туннель. Залегает на глубине семь метров. Мы послали в него дроны, потом добровольцы прошли пешком. Даже вентиляционные отверстия пробиты и светящиеся полосы на потолке есть.

– Вот видите, дорога исправна!

– Двадцать семь минут. Причина?

– Здесь нет заповедников? Какие-нибудь гнездовья редких птиц... дорога запрограммирована оберегать природу...

– Да ты что, – возмутился Кондратьев. – Нам зеленые и так плешь проели, каждый метр проверяли, ко всему придирались! Ничего там нет, только комары и лягушки. Двадцать шесть минут.

– Возможно, дороге не хватало каких-то микроэлементов для строительства, – вслух предположил Колков. – И она решила их добыть...

– А в остальных местах хватало?

– Да, вы правы, ничего редкого ей не требуется... – Колков сник и покачал головой. – Нет, это локальная проблема, я уверен.

– Нам не нужны локальные проблемы, – сказал Кондратьев. – Стране нужно стабильное развитие. Сами знаете, у России всегда было две беды – дураки и дороги. Не знаю как с дураками, а вот с дорогами мы ситуацию исправим. И взбесившиеся наноботы, пусть даже они строят быстро и дешево, нам не нужны. Так что...

– Проблема локальная, – повторил Колков. – Пойдемте! Надо посмотреть, что над туннелем!

– Да ничего там нет! Поля, перелески, пара заброшенных сел. Трасса скоростная, ее проектировали в обход населенных пунктов... – Кондратьев махнул рукой. – Хорошо. Садись в машину, проедем немного. Может, и впрямь...

* * *

В машине, неторопливо и упрямо движущейся по разбитому проселку, Кондратьев сказал:

– Я подумал – в твоих словах есть резон. Рядом деревенька. Три развалюхи, две халупы... Никто там жить не должен, мы проверяли. А вдруг кто-нибудь поселился?

Из кустов впереди вдруг выпрыгнул линялый серый заяц, скачками пересек проселок, бросился в лесок. Машина вильнула, притормаживая, снова вернулась на колею.

– Развелось косых, – сказал Кондратьев беззлобно. – Однажды сбил одного, не заметил, и машина не среагировала. Прямо заповедник, зеленым на радость... Нынче этих любителей возвращения к природе – полным-полно. У меня родная дочь с семьей в селе поселилась, представляешь? Коз растят, сыр какой-то вонючий делают, сено вручную косят... Вдруг и тут какие-нибудь натуралисты решили возрождать село, вести экологически правильную жизнь. Могла твоя дорога в такой ситуации уйти под землю?

– Могла, – сказал Колков, поразмыслив. – Интересы людей превыше всего. Дорога ведь не могла связаться с нами и объяснить проблему. Наноботы обнаружили присутствие людей и приняли решение их не беспокоить... вполне возможно!

– Если там и впрямь кто поселился – лично мерзавцев выгоню, – сказал Кондратьев. – Повсюду же плакаты, зона строительства обозначена...

Он остановил машину на околице деревни. Выглядела та и впрямь безрадостно. Уцелело лишь несколько старых, будто из кинохроники прошлого века бревенчатых домов, серых и трухлявых, покосившихся и осевших на углы. Коровник или хлев, более современный, из белого силикатного кирпича, но

развалившийся даже сильнее, чем жилые дома. И множество совсем уж разрушившихся, заросших бурьяном, превращающихся в земляные холмики развалюх.

– Село неперспективное, давно заброшенное, исторической ценности не представляет, – выпрыгивая из внедорожника, сказал Кондратьев. – Людей... людей тоже не наблюдаю.

Колков осмотрелся. Заглянул в один из домов – дверь давно слетела с петель. В другой – там дверь была заколочена, но окна давно лишились и стекол, и рам, ученый заглянул в один из провалов. Пол внутри местами провалился, местами топорщился гнилыми скособоченными досками.

– Жуть какая, – сказал он. – Как будто в прошлое попал. Да, нет здесь никого и не было уже давно.

– Все-таки почему дорога самодвижущаяся? – неожиданно спросил Кондратьев. – Ты со словами аккуратен, назвал бы самостроящейся – я бы понял.

Колков вздохнул.

– Это из старой фантастики. В детстве читал, очень понравилось. Там дороги действительно двигались. Можно было встать на дорогу в Москве и уехать в Тверь. Или в Пекин. Мне всегда казалось, что это красиво. Даже не красиво – правильно.

– Но твоя дорога не движется.

– Когда строится – ползет. Может быть, когда-нибудь сделаем и по-настоящему движущейся. Встал и поехал.

– Долго будет ехать до Пекина-то.

– Дорога в тысячу ли начинается с первого шага. – Колков посмотрел на Кондратьева виновато и стеснительно. – Вы поймите, тут же не в дороге дело, а в дураках.

– Чего? – удивился Кондратьев.

– Человечеству всегда требуются дураки. Никто и никогда с этим ничего поделаться не мог. Какие угодно машины делай, как хочешь все автоматизируй, но всегда остается множество скучного, монотонного, нудного труда. Труда для дураков. Копать землю, возить бетон, насыпать гравий, раскатывать асфальт взад-вперед. Можно человека посадить в кабину с кондиционером и телевизором, платить ему хорошие деньги, только все равно его работа останется скучной и неинтересной. И перспективы в ней нет.

– Я сам на бульдозере начинал работать, – сказал Кондратьев. На его лице напряглись желваки.

– Но не остались же? Скучно вам стало, роста захотелось. Не просто денег или уважения, а роста, развития. Но всем в начальство не выйти. Нужны простые работяги для малоквалифицированного труда. Кто-то будет книжки после работы читать, кто-то рыбу ловить, кто-то пиво пить, но работа у них все равно будет однообразная. И вот это беда похуже дорог. Наши наноботы – они на себя берут как раз скучную работу. Они машины, им не скучно. Запустим такие дороги по всей стране – миллионы людей от нее освободятся.

– Ну и куда пойдут? В геноме ковыряться, наноботов проектировать? Это не каждому дано.

– Работа найдется, – убежденно сказал Колков. – Настоящая, творческая. Раньше девяносто процентов людей растили зерно и пасли стада. Сейчас пять процентов населения всю Землю едой обеспечивают. И в строительстве то же самое. Еще будем с улыбкой вспоминать, как на стройках тысячи людей работали. Вон, у нас вся Вселенная вокруг – неужели не найдем, чем заняться?

Кондратьев захохотал.

– Да ты, дорогой профессор, и впрямь старой фантастики начитался. Думаешь, если предложить бульдозеристу лететь на Марс, сады там разводить, он согласится?

– А вы спрашивали? – с вызовом ответил Колков.

Кондратьев замолчал. Кивнул:

– Хорошо, не буду спорить. Только главного это не отменяет – твои наноботы делают непонятные вещи, значит, использовать их преждевременно и опасно. Время вышло. Поехали к Трассе, будем их выключать.

Колков сразу как-то обмяк, будто его самого выключили. Кивнул. Достал из кармана контейнер с ампулой, разблокировал касанием пальца, протянул Кондратьеву.

– Лучше вы. У меня... рука не поднимется.

Кондратьев с пониманием кивнул. Они стояли среди развалин, теплый летний ветерок обдувал их лица.

– Как по мне – пусть бы Трасса тут и шла под землей, – сказал Кондратьев. – Я вообще отсюда родом. Ну, не сам я, прадед тут жил. Когда-то тут и села были большие... сто лет назад...

– А потом что?

– Потом война. В школе не учился, что ли? Тут была Калужская наступательная операция. Все горело, все разрушено. Толком уже и не возродилось. В каждом селе обелиски стоят, вся земля с прахом перемешана. В детстве ездил сюда с дедом на рыбалку, чуть поглубже копнешь – то осколки... то кости.

– Что ты сказал? – внезапно воскликнул Колков.

Мужчины несколько секунд смотрели друг на друга.

– Да не может быть, – неуверенно сказал Кондратьев.

– Дорога – это машина, – сказал Колков. – Просто огромная неторопливая машина. Твой внедорожник ведь на человека не наедет, верно? Остановится и заглушит мотор. И стену ты им не протаранишь, если все ограничители не сорвешь. И зайца на пути она объехала. Это программная логика, она вложена на заводе, но ко всему еще и адаптируется, развивается в сторону большей

безопасности.

– Но тут ведь нет людей... живых людей, – поправился Кондратьев.

– А если она решила, что мертвых тоже надо беречь? – спросил Колков. – Что нам это важно... Постой-ка...

Он двинулся туда, где некогда, похоже, был центр деревеньки. Трудно было назвать это площадью, скорее, просто маленькая площадка перед зданием, раньше бывшим поселковым советом или дирекцией совхоза. Здесь росло с десяток старых, выродившихся яблонь, лишь на некоторых завязались редкие зеленые плоды. И еще было что-то грязно-белое, заваленное мусором и заросшее бурьяном в человеческий рост, между деревьями.

Колков, раздвигая руками бурьян, стал пробираться в центр площадки. Кондратьев, помедлив, достал из кармана здоровенный складной нож, выщелкнул лезвие и стал помогать.

Это был обелиск. Простой бетонный обелиск с обломленным навершием, когда-то выкрашенный белым, а сейчас побуревший от грязи. Угадывались слова «Жителям села...» и отдельные буквы из длинного ряда фамилий.

– Очень много одинаковых, – сказал Колков. – Только не разберу... на «Ко...» начинаются... говоришь, отсюда твои предки родом?

– Слишком короткая фамилия, – ответил Кондратьев. – Скорей уж «Колковы».

Они постояли, глядя на обелиск.

– Но это уже ни в какие ворота не лезет, – продолжил Кондратьев. – Если твоя дорога решила обойти заброшенные деревни из-за разрушенного памятника... и останков в земле... это уже не программная логика. Это разум!

Колков молчал.

– Хорошо, – решил Кондратьев. – Дорогу пока не трогаем. Три дня тебе даю, ясно? Снимайте свои логи, товарищи ученые... Трое суток.

Он протянул контейнер с ампулой обратно ученому.

Колков хотел было сказать: «Неделю надо», но неожиданно для себя произнес:

– Спасибо. Мы успеем.

* * *

...Колков приехал в деревню ровно через трое суток. Его автомобиль, маленький городской седан с электромотором, цепляя картером булыжники и проваливаясь в колдобины, въехал в центр села, устало остановился рядом со здоровенным внедорожником. Багажник внедорожника был открыт, внутри стояли какие-то банки, мешки с сухой смесью, инструменты. Лежала коса – ручная, старинная на вид, но с рукоятью из пластика «под дерево».

Кондратьев сидел на табуретке перед обелиском. Трава была выкошена, деревья подрезаны. Сколы и выбоины на памятнике исчезли, он был покрашен яркой белой краской, полыхающей на солнце. Кондратьев аккуратно обводил буквы на обелиске ручным принтером, из которого торчала длинная золотистая проволока. Буквы оживали, наполнялись цветом.

– Копыловы, – сказал Кондратьев, не оборачиваясь. – Вся деревня была Копыловых. Так и звалась – Копыловка. Сорок три человека на войну ушли, вернулись двое. Так и кончилась деревня...

Колков кивнул. Неловко переступил с ноги на ногу. Сумка, в которой лежал мешочек цемента и две баночки краски, показалась ему нелепой и смешной, он поставил ее на землю.

– Мы проверили логи, – сказал он. – Знаете, дорога... она неразумна, к сожалению... Там на пути встали три машины. Развернули плакаты «Нет насилию над природой!».

– Знаю уже, – буркнул Кондратьев. – Я спутниковые снимки запросил. Зеленые... решили помешать трассе. Не нашли ничего умнее... Дорога до них доползла, постояла, потом нырнула под землю. Они испугались и дали деру. Тоже мне

бойцы за экологию... Что стоишь-то? Вон оградка, я металл уже зачистил, можешь красить.

– Ага, – обрадовался Колков. – Это легко. Это я могу.

Некоторое время они работали молча.

Потом Кондратьев сказал:

– Я ведь не прав был. Когда про две беды говорил. Дураки и дороги, да. Только одна беда первична, другая вторична. Вот это все... для дороги это не важно.

– Это для нас, – сказал Колков.

– Ага. С дорогами разобрались, разберемся и с дураками. Заметь, это я вовсе не про зеленых... – Кондратьев усмехнулся и посмотрел на Колкова. Ученый неумело, но старательно красил старую чугунную оградку. – А потом... потом можно и на Марс.

Сергей Недоруб

«Лунарушка»

Белый парашют расправился в небе Титана, словно вздорный цветок, опуская драгоценный груз на коричневый грунт. Заработали посадочные двигатели, пробуя плотную атмосферу на вкус. Полторы тонны инженерной мысли коснулись тверди, бросая вызов спутнику Сатурна всеми шестью колесами.

Стропы отцепились, отпуская титаноход на свободу. Механический авантюрист не терял времени зря – пробудил электронные схемы, расправил механические сочленения и покатился на круг почета. Зашевелился манипулятор в передней части, готовясь к работе.

Порыв ветра взметнул облако пыли, которое тут же рассеялось, демонстрируя звездно-полосатый флаг на матовой поверхности пришельца.

«Фортитьюд» покрутил механической рукой перед собой, изогнул независимые оси, словно выгибаясь перед прыжком. С его вздернутой крыши отделился беспилотник, неуверенно крутя лопастями, сомневаясь, хватит ли ему сил разогнать необычайно плотный воздух. Но словно вспомнив, что у него тоже есть имя, «Хелли» обрел устойчивость и приподнялся над спиной титанохода, обозревая камерами, куда же его занесла техническая мысль.

* * *

В более чем миллиарде километров от «Фортитьюда», расправив Солнцу батареи, Международная космическая станция светилась энергетикой экипажа всех секторов сразу. В последний раз взглянув на экран с земной, отстающей на полтора часа трансляцией приземления титанохода, командир российского сегмента Николай Артемьев улыбнулся и мысленно поздравил американских коллег.

– Смайлик им отошли, – сказал он, поглядывая, как пристегнутый к креслу Сергеенко тщательно, по миллиметру водит джойстиком. – С Томом Крузом.

Тот последовал совету – на миг отвлекся, дотянулся левой рукой до ноутбука и проворно завозил пальцем по тачпаду.

В другую смену можно было бы не изобретать таких сложностей, чтобы поздравить соседей. Пусть они и не имели личного отношения к девятилетнему полету «Фортитьюда», но, несомненно, были рады успешному приземлению титанохода. В стесненных интерьерах станции можно было бы им просто прокричать.

Но не сейчас. Пока что имелась безотлагательная работа, требующая такой нетривиальной процедуры, как закрытие переборки. В настоящий момент российская часть экипажа МКС в числе двух человек полностью забаррикадировалась в новом модуле, доводя до ума калибровку пульта, назначение которого могло бы показаться весьма интересным, а применение – и вовсе невозможным.

Забаррикадировалась – еще мягко сказано. Кучу ящиков по причине нехватки времени пришлось попросту вытолкать в переходной отсек, и половина барахла оказалась не закреплена. Что и куда успело разлететься – одна невесомость ведаёт. Артёмьев и сам бы за такое по головке не погладил, но приоритет задач сегодня назначал не он.

– Две минуты, – уточнил он на всякий случай, следя за графиками. Сергеенко коротко кивнул. Все, теперь в их повестке нет ни титанохода, ни коллег. Внимание обоих космонавтов нацелилось на текущую задачу, напрямую связанную с пультом.

Со своего места командир еще раз критически осмотрел модуль. Казалось бы, с «Наукой» совместно накрутили не первую сотню оборотов вокруг Земли, но не привык он к долгожданному станционному расширению, вытеснившему отстреленный «Пирс», – пусть даже присланная морально устаревшему шлюзу замена оказалась вдвое просторнее. Распрощавшись с привычным отсеком, ставшим почти родным, Артёмьев проконтролировал наладку «Науки», лично участвуя в семи из девяти выходов в космос. И продолжал заниматься этим модулем внутри, вплоть до его окончательного встраивания в станцию. Но так и не привык к нему, словно чувствовал, что работать в «Науке» ему придется недолго.

А затем случился визит очередного грузовика. С ним прибыли несколько ящиков уникального оборудования в компании новичка, Виктора Сергеенко.

К самому парню у Артёмьева вопросов не было. Умный, бесконфликтный, лишенный какой-либо предварительной адаптации космонавт вписался в ритм МКС, будто тут и родился. Другое дело должность. Артёмьев летал с пилотами, бортинженерами и даже другим командиром. И ни разу – со специалистом миссии.

Назначение пульта, внешне напоминавшего разросшийся до неприличных размеров холодильник с рядом джойстиков, Артёмьев изучил досконально через прилагавшуюся документацию. И когда понял его назначение, то крепко задумался. Поначалу он решил, что это розыгрыш. Затем долго косился на запаянный наглухо ящик, не веря, что подобную технологию можно засунуть в два кубометра металла и пластика. Даже сейчас, когда они приступили к активации программы, командир еще сомневался. И лишь когда из Королева пришло уточнение с просьбой закрыть переборку «Науки» перед запуском

системы – Артемьев убедился, что все это происходит по-настоящему.

– Компиляция завершена, – не без удовлетворения доложил Сергеенко. – Мы готовы.

Артемьев посмотрел в необычайно широкий иллюминатор – настоящая роскошь и фишка российского модуля, – прямо на умиротворяющую дугу голубой планеты. Из-за дуги лениво выплывал серый шар.

– Восход Луны подтверждаю, – произнес он. Шутка удалась – рассмеявшись, Сергеенко встряхнул головой, принимая эмоциональную разрядку. Щелкнув парой тумблеров и поправив наушники, специалист вымолвил:

– Контроль приняли успешно. «Лунарушка», на выход.

* * *

С восходящего над Землей бесстрастного спутника космическая станция казалась задорным огоньком. Поймав с нее прямой сигнал, металлический короб размером с капитальный гараж ответил чередой писков, которые в безвоздушном пространстве все равно услышать было некому. Одна из стен отвалилась, падая на лунную кору с легкой вибрацией, и превратилась в рампу.

Внутри короба зажглись огни, словно приветствуя МКС в ответ. Наружу выкатился восьмиколесный вездеход с множеством торчащих во все стороны деталей. На покато носу нарисована веселая рожица – в отличие от бродящего по Титану собрата этому исследователю прилететь на Луну было намного проще, и он мог позволить протащить на себе дополнительный вес в несколько кило краски, несущей некоторые дополнительные функции. От того, насколько эти функции окажутся полезны, зависел моральный дух двух космонавтов в зоне прямой видимости, а также судьба пары отделов в подмосковном наукограде.

Но вот по бокам лунохода пронеслась рябь – борта отразили свет собственных прожекторов, сверкнув белой, синей и красной полосками. Пятно света выхватило надпись на борту: «Лунарушка».

Задорный исследователь земного спутника покрутился на месте, словно разрабатывая новую обувку. Затем запружинил рессорами и натурально попрыгал. И занялся тем, чего вряд ли можно было бы от него ожидать, – вернулся к коробу, вытянул клешни и начал разбирать конструкцию, складывая стенки в штабель.

* * *

– Что ты делаешь? – спросил Артемьев, глаза на экран.

– Провожу тренировку, – отвечал Сергеенко, восторженно качая головой. – Не, ну ты только посмотри, что он творит!

На экране пульта, размещенного слева от иллюминатора, мелькали клешни, ловко перехватывающие детали конструкции и выбивающие легкие облачка пыли. Пальцы космонавта на джойстиках двигались синхронно с картинкой, и было трудно понять, управляет ли он луноходом или же повторяет его действия.

– «Лунарушка», – проговорил Сергеенко. – Моя же ты зайка...

Командир глянул на перегородку модуля, словно проверяя, не подслушивает ли кто-то с той стороны. Скрывать тестовую миссию от остального экипажа станции ему казалось неправильным. Но «цуповцы» не действовали без согласования с Хьюстоном, так что ему оставалось висеть над креслом, удерживаемому ремнями, и смотреть, как специалист маневрирует манипуляторами потрясающего лунохода, перейдя от складывания штабелями в создание новой инсталляции.

– Поставлю треугольником, – сообщил Сергеенко. – Пусть стоит себе, лучики ловит.

– Молодец, – искренне похвалил Артемьев.

– Спасибо, командир, – кивнул специалист, не поворачиваясь. – Отчет скоро?

– Еще минуты три можешь поиграться.

– Отлично. Так, Луна, ну давай показывай, чем тут можно заняться?

Вид черно-серого горизонта на экране прокрутился – «Лунарушка» повернулся, закончив выстраивать родной гараж в карточный домик, резко побежал вперед, на поиски приключений.

На командирской панели замигал оранжевый индикатор. Артемьев даже глаза протер – мало было штабу секретности, так они еще намерены сообщить нечто важное напрямую командиру?

Введя личный код, он увидел надпись, прочитав которую сразу же отстегнул ремни. Знакомый звук побудил Сергеенко повернуть голову в любопытстве.

– Что-то случилось? – спросил он.

– Да. – Артемьев выплыл из кресла и принялся открывать переборку. – Надо поговорить с ребятами. Продолжай изучение. Не спеши, нас оно не касается.

– А все-таки?

– У «Фортитьюда» проблемы.

* * *

На расстоянии, в четыре тысячи раз превышающем обмен сигналами между МКС и Луной, «Фортитьюд» растерянно вертел камерами, наполовину засыпанными стремительно налетающей пылью. Центральный процессор пытался анализировать ситуацию, чтобы понять, что случилось и почему приходится лежать почти на боку.

Заработала система противодействия перевороту. С боков выдвинулись умные пружины, вернувшие титаноходу опору, которая уже была не столь твердой. «Фортитьюд» сделал попытку двинуться вперед и тут же увяз колесами в густом месиве. Затем назад.

Обеспокоенный дрон летал над ним, старательно фотографируя старшего брата в соответствии с протоколом внештатной ситуации. Однако Титан не собирался терпеть подобного потребительского отношения – продолжал сводить с ума электронику механических пришельцев, мягко намекая, что штатные ситуации будет диктовать сам. И интенсивно засыпал незваных гостей пылью, которой, по всем расчетам, здесь быть не могло.

«Фортитьюд» все же вспомнил про адаптивность, перестроился, направил усилия на заднюю ось – и выбрался из кучи коричневых осколков на волю. «Хелли» облетел вокруг него, пристраиваясь на приземление, но титанолет дал ему отказ. Слишком опасно было объединяться, пока системы не поймут, что же произошло.

Судя по пейзажам вокруг, равно как и грубому подобию геолокации, «Фортитьюд» находился совершенно не там, где только что был.

И тут его сканеры засекли под собой нечто, побудившие забыть обо всем, кроме важнейшей задачи.

С массивного брюха выдвинулись штифты с формами для забора породы. Раскидывая прочь ледяные глобулы, один из них вонзился в относительно твердь, считывая максимум параметров – плотность, пористость, состав, теплоемкость, удельное электрическое сопротивление, магнитную проницаемость и десятки других. Быстро подбив результаты в строки кода, «Фортитьюд» выдвинул антенну и передал собранные данные на орбитальный спутник. До Канберры, Австралия, они должны были лететь от восьмидесяти до девяноста минут.

* * *

На то, чтобы добраться от «Науки» до «Коламбуса», у Артемьева ушло не больше минуты – сработал опыт филигранных перемещений по станции. И все равно в его голове пронеслось не менее десятка возможных причин, по которым ЦУП мог потревожить их из-за титанианской миссии, формально не имевшей к МКС никакого отношения. «Лунарушка» другое дело, он сейчас находится под прямым управлением Сергеевко, но при чем тут «Фортитьюд»?

Лавируя между закрепленными баулами и выступающей техникой, командир перелетел в лабораторию «Коламбуса» – просторный отсек, в котором его встретили озадаченные взгляды американских коллег. Картер внимательно слушал указания, придерживая наушники на голове – верный признак, что он пытается абстрагироваться от станции. Мерфи крутился в воздухе, как раз приобретая более удобную позицию, чтобы добраться до бумажного справочника, приклеенного к стенке скотчем.

– Что случилось? – спросил Артемьев, без труда переходя на английский.

– Ты получил вызов? – произнес Мерфи.

– Да. Рассказывайте.

Мерфи повернул к нему стойку с монитором.

– «Фортитюд» передал данные, – ответил он с легким волнением. – Судя по его самодиагностике, он упал с высоты.

– С высоты? – переспросил командир. – С какой высоты? Он же по Джерид катался.

– Катался, – бросил Картер, недовольно снимая наушники. – А теперь бродит по дну одного из колодцев.

Артемьев уставился на монитор в череду цифр, минуя визуализацию. Числами он мыслил лучше.

– Он что, свалился с обрыва? – спросил командир. – Как это вообще возможно?

– Никто не знает, – пожал плечами Мерфи. – Несколько уровней защиты не спасли.

– «Фортитюд» передал свои координаты? – Артемьев придвинулся ближе к монитору.

– Недалеко от точки заброски, к западу. Точнее сказать нельзя – с орбиты не видно из-за бури.

– То есть «Фортитьюду» не повезло, – сделал вывод Артемьев.

Мерфи переглянулся с Картером и ответил:

– Похоже на то.

Артемьев ждал, пока ему объяснят, при чем тут он сам, и, не дождавшись ответа, задал вопрос:

– Ваш титаноход потерян?

– Джей-эс-си передал свои соображения, что можно сделать, – осторожно произнес Картер. – Велено связаться с Сергеем и уточнить, получится ли использовать его изобретение для ускорения радиосвязи. Девяносто минут – это слишком долго. Конечно, я предположил, что у меня нарушен слух или наушники испортились, потому что это все очень странно. Ты не получал разъяснений из Королева?

Артемьев ухватился за поручень, чтобы случайно не поплыть по станции вместе с непослушной мыслью. JSC, значит. Тот же ЦУП, только из Хьюстона. Советует своим астронавтам просить помощи у российских коллег, в то время как родной Центр управления полетами из подмосковного Королева отправляет по личному закрытому каналу обсудить вопрос с американцами. Пожалуй, Картер поскромничал, назвав это странным. Артемьев считал бы подобное невозможным. МКС – единое пространство, где секретничать приходится разве что когда вывешиваешь туалетную шторку.

Объяснение было одно – оба наземных штаба делегировали принятие решения лично ему. Артемьев долго не думал.

– Следуйте за мной, – велел он и направился обратно к «Науке».

Ни Мерфи, ни Картер ни задавали ему лишних вопросов – послушно перелетели через ряд узлов станции, оставив всю технику позади. Воров на МКС пока не

водилось.

Добравшись до «Науки», командир увидел, что перегородка закрыта снова. Собственно, ее нельзя было считать полноценным запором, так как она превосходно открывалась с любой стороны. И все же ни к чему злоупотреблять полномочиями, поэтому Артемьев несколько раз постучал по перегородке, пока Сергеенко ее снова не открыл.

– ЦУП не выходил на связь? – спросил командир, не давая Сергеенко удивиться прибывшей компании.

– Нет. – Специалист вернулся к пульту. Артемьев следил за ним – не бросится ли парень поспешно вырубать экраны с «Лунарушкой». Вроде нет.

– Объясни гостям, чем мы тут занимаемся. – Артемьев заплыл внутрь, продолжая использовать английский. – Забудь про секретность. Штаб дает добро.

Пока озадаченный специалист думал, с чего начать, Артемьев добрался до противоположного конца модуля и заполз в узкую щель, соединявшую «Науку» с недавно прибывшим «Прогрессом». Командир был практически вынужден это сделать, так как находиться четверым взрослым людям внутри нового модуля было решительно невозможно, даже несмотря на его оптимизированный интерьер. Слишком уж «Наука» оказалась забита оборудованием. Попав внутрь грузовика, Артемьев ощутил прилив сил и некое спокойствие. Сколько раз он, невзирая на недоумение экипажа, спал внутри родной «шестнадцатки» вместо выделенной на то камеры – не перечесть.

Зато теперь он мог охватить взглядом всех участников собрания, включая аппаратуру.

– Что вы слышали про итоги программы «Бугаз-22»? – спросил Сергеенко.

– Этап в лунной программе России, – без запинки сказал Мерфи. – Доставка вашего лунохода в кратер Лангрэн. Эксперимент закончился отказом техники.

– Не отказом, – поправил Сергеенко и показал на монитор. – Прошу взглянуть.

Мерфи с Картером залетели в модуль так быстро, что едва не стукнулись лбами. Сергеенко подвигал джойстиком. На экране две клешни игрались с лунными камушками. Одна подбрасывала, вторая ловила.

– Что это? – заморгал Картер.

– Это? – ухмыльнулся Сергеенко. – «Лунарушка». Наш луноход.

– Когда это записано? – живо вымолвил Мерфи.

– Это происходит прямо сейчас.

– Ты управляешь луноходом сам? – не поверил Мерфи. – Отсюда?! И как долго идет сигнал?

– Пинг – минус полторы секунды. Точнее, одна и три десятых.

– Минус одна и... – морщил лоб Картер. – Стой. Минус? Как это минус?

Специалист оглянулся на командира. Артемьев кивнул.

– Господа, – торжественно обратился Сергеенко, постучав по ящику. – Мы с вами наблюдаем прорыв в истории космонавтики. Удаленное управление планетоходом – задача не из легких. И причина тому – слишком долгое время отклика. Скажу без лишних слов. Мы решили эту проблему.

Мерфи заворуженно смотрел, как манипуляторы лунохода на экране откликаются на команды человека без малейшей задержки.

– Вы что, заставили радиосигнал проходить мгновенно? – спросил он почти в растерянности.

– Нет, конечно, – ответил Сергеенко. – Суть в том, что конкретно это за сигнал.

* * *

Прекратив играть с камнями, «Лунарушка» положил последний из них к остальным, закончив выкладывать Ханойскую башню. Затем отправился кататься по поверхности Моря Изобилия, периодически библикая. Звук не получалось, но это не было поводом переставать радоваться путешествию.

* * *

Сергеенко еще несколько раз потыкал тумблером, отвечавшим за звуковой сигнал. Луноход сам запишет реакцию окружающего мира на него – естественно, никакую.

– Я не вижу никакой задержки, – признался Картер. – Что именно вы изменили?

– Мы изменили все. «Лунарушка» через красочное покрытие излучает вокруг себя сканирующее поле, создавая трехмерную модель окружающей среды в определенном радиусе. Затем запускает моделирование, представляя, как будет мир вокруг выглядеть через несколько секунд. И именно эту картинку отсылает нам.

– В Королев?

– Нет, вот сюда. – Сергеенко похлопал по ящику. – Сигнал особый, в земную атмосферу проходит плохо. Зато на МКС его, как оказалось, можно поймать без проблем. Здесь он обрабатывается, и я вижу, как камеры «Лунарушки» видят то, что вот-вот случится. Даю команду манипулятора, и она возвращается на луноход ровно в момент, когда реальность совместится с моделью. Таким образом я управляю «Лунарушкой» в реальном времени.

– То есть мы видим на экране не то, что происходит прямо сейчас, а то, что скоро должно случиться, – сообразил Картер.

– Верно. Это как управлять радиомашинкой, но с компенсацией трехсекундной задержки. Если ты знаешь, что случится через эти три секунды, то можешь скорректировать сигнал.

– Звучит как фантастика, – улыбнулся Мерфи. Артемьев уже не раз видел его с таким выражением лица – Мерфи вроде бы сделал комплимент, а на деле

выразил недоверие к услышанному. Так что командир решил вмешаться:

– Почему же фантастика? У Кристины поинтересуйся, как вернемся.

– При чем тут Кристина? – не понял Мерфи.

– Так эти технологии отчасти она исследовала. Два года назад, в «Кибо».

Американцы снова переглянулись. Картер вспомнил первым.

– Плазменные кристаллы? – спросил он.

– Верно, – кивнул Сергеенко. – В общем, я не вправе разглашать конкретные формулы без четкого указания штаба, но ты сам должен помнить некоторые неожиданные итоги экспериментов Кристины. Короче, кое-какие синтезированные жидкости в условиях, близких или равных невесомости, могут зондировать окружающую среду лучше любых камер. Их показатели структурируются в полновесную картину мира, подверженную прогнозированию. Опять же, на Земле слишком много случайных факторов, чтобы предсказать, как будет выглядеть твое окружение через секунду. Но на Луне сильно многое не меняется, основной фактор раздражения – сам наблюдатель, путешествующий по спутнику. Плюс погода и сейсмические показатели, но их нетрудно просчитать. Словом, «Лунарушка» обрабатывает это все и шлет мне.

– Обработка идет на самом луноходе? – спрашивал Мерфи с жадностью ученого. – Ею занимается не твой модуль?

Он показал на ящик.

– У меня мощностей не хватит, – ответил Сергеенко. – Так что да, обработка процентов на восемьдесят идет на самом луноходе, через колбы с плазмой. Оставшиеся двадцать процентов данных – сугубо вычисления, и их перенесли сюда, на модуль.

– Никогда не слышал про такую технологию, – сказал Мерфи. – Это ваш секрет?

– Видать, не настолько секрет, чтобы его не позволяли рассказать вам, – подал голос Артемьев, поглядывая на прикрепленный к рукаву командирский наладонник. – Теперь прошу внимания. ЦУП определился с полномочиями. Нас просят сделать все возможное, чтобы сократить пинг до «Фортитьюда». Они там получают массивы данных, но не могут наладить оперативный радиообмен. Девяносто минут туда и столько же обратно – в лучшем случае.

– Да, они хотят вручную вывести «Фортитьюд» из урагана, – разочарованно вымолвил Картер, возясь с собственным наладонником. – Они не смогут. Похоже, титаноход потерян. Жаль, что на нем не стоит ваша технология.

Сергеенко пожал плечами.

– Технология для всех едина, – произнес он. – Вы бы тоже могли исследовать плазму должным образом...

– Это не наша вина и не наши заслуги, – прервал его Артемьев, вылезая из корабля и побуждая тем самым Картера освободить место, сдвинувшись назад, в стыковочный шлюз. – Ладно, все получили информацию о том, что они хотят?

– Сократить полуторачасовой радиосигнал за счет «Науки», – сказал Картер. – Я не понимаю.

– Мне тут присылают чуть больше информации, – доложил Сергеенко, следя за цепочкой бегущих символов. – Радиосигнал от Канберры до орбитального спутника на Титане пройдет транзитом через МКС и «Лунарушку», который его передаст дальше. Правда, пока я тоже не понимаю, что им это даст. Полторы секунды выигрыша?

Установилось массовое молчание. Первым его прервал Артемьев:

– Мы все знаем, чего они хотят.

– Поставить симуляцию на «Фортитьюд»? – догадался Сергеенко, и командир его внутренне похвалил. – Нереально.

– Витя, они могут потерять титаноход.

– И мне безумно жаль, Коля. Ты знаешь, я не шучу. Имею представление о масштабах подобного проекта, но это не вопрос моего согласия. Центр обработки находится на «Лунарушке».

– Как именно это все работает? – спросил Мерфи.

– «Лунарушка» разбрызгивает кристаллы вокруг себя, они считывают координаты друг друга с предельной точностью и передают ему на процессоры. Те получают трехмерную картинку. Процессоры делают поправку на отражения кристаллов – и картинка превращается в прогнозируемую.

– Звучит не сильно сложно, – заметил Картер.

– Если ваш «Фортитюд» не таскает на себе двести литров высокотехнологичной плазможидкости, у которой пока даже нет названия, то ничем не могу помочь, – посочувствовал Сергеенко.

– Да, – почесал губу Артемьев. – И все же нас попросили хотя бы попробовать... Витя, я чего-то не знаю о твоей технологии?

– О моей? – поднял бровь специалист.

– Но ведь это ты ее изобрел.

Мерфи с Картером уставились на Сергеенко в изумлении. Командир мог их понять – загадочный русский, которого считали едва ли не дублером, оказался причастен к прорывной технологии.

– Ну да, было дело, – бросил Сергеенко. – Коля, сигнал до Титана идет девяносто минут. Условно скинем полторы секунды от нас до «Лунарушки»...

– Канберру тоже скидывай. Предположим, что рычаги управления будут у тебя.

– Даже так, – хохотнул специалист. – Спасибо за комплимент. Хорошо, восемьдесят девять минут, и это если я не стану слушать ЦУП и чудесным образом пойму, как вывести «Фортитюд» из бури без оперативной помощи наземной команды. И не важно, что наши планетоходы не идентичны, мягко

говоря, и отличаются во всем, от электроники до гидравлики. Коля, да у меня больше шансов взломать банкомат «тетрисом». И даже если бы получилось – как ты намерен сократить эти восемьдесят девять минут?

– Сокращать и не нужно, – размышлял вслух Артемьев. – Надо лишь спрогнозировать. Ты же сам понимаешь.

Сергеенко нажал на кнопку, и «Лунарушка» прекратил бег, встав в режим ожидания.

– Ты хочешь, чтобы я на основе сотни фотографий с «Валентайна» получил полномасштабную симуляцию всего, что происходит с титаноходом, с которым у нас нет ни малейшей связи. Вдобавок чтобы предвидел, что он будет делать в следующие три часа, и отыграл последовательность действий, которую «Лунарушка» ему передаст как программу.

– Управление «Фортитьюдом» в реальном времени, с поправкой на то, что тебе придется проводить его на три часа раньше, – подвел итог командир.

– Без проблем, – покивал молодой специалист. – Ща только метнусь в «Кибо» и похаваю тамошних грибов. Код доступа в вакуумную камеру подскажи только, а то что-то подзабыл.

Артемьев подобрался к Мерфи, хватая по пути со стены белый чехол со вспомогательной электроникой.

– Приступай, – сказал он. – У нас мало времени. Минут через сорок «Фортитьюд» передаст несколько блоков данных, которые ЦУП перенаправит нам. Затем ему засыплет датчики. Готовь свой ящик к добавлению нового удаленного устройства.

Сергеенко было открыл рот, но командир уже взял Мерфи за рукав и сказал:

– А мы с тобой в «Коламбус». Все данные с «Фортитьюда» надо перекинуть на жесткие диски.

– Данные? – озабоченно переспросил Мерфи.

– Карты, схемы, ключевые особенности и все прочее, что вы засекретили. В особенности – прошивку. С правами на удаленную перезапись, которую я проведу с «Науки».

– Я же не уполномочен...

– У нас нет времени на эту лабуду. Передай в JSC, что они либо содействуют, либо не обращаются. Картер! Мне нужны все данные с «Валентайна» за последние часы!

Без лишних слов Картер ринулся к себе в рабочий отсек.

Сергеенко утратил дар речи. Если командир собрался тратить драгоценные мощности станции на обработку данных с титанианского орбитального спутника, следящего за толстой атмосферой, – то он чертовски серьезно настроен.

– Может, и получится, – пробормотал он, внезапно поняв, что самую тяжелую часть грядущего безумия, то есть прогноз погоды, с его плеч скинули. – «Лунарушка», ты тут? «Лунарушка», ответь мне.

* * *

Проснувшись от короткой гибернации, «Лунарушка» помигал фарами. Со стороны могло бы показаться, что ушлый бегун моргает спросонья. Получив неожиданную команду, единственный и неповторимый луноход повернулся к Сатурну, пытаясь понять, кто это там рядом с ним зовет на помощь.

Он развернул антенну, направив ее на яркий огонек. Получил отклик. Внимательно послушал и понял, что от него хотят.

«Лунарушку» не пришлось упрашивать дважды – радостно размахивая клешнями, он покатился вперед, ближе к центру кратера Лангрэн.

* * *

Затянув ремни потуже, Сергеенко распрямил пальцы, расправил шею.

– Виртуальный шлем не помешал бы, – признался он. – Джойстик на скорую руку собран. Сбоит, зараза, при левых поворотах.

– А ты влево не едь, – порекомендовал Артемьев, закрепляясь в собственном кресле. – Наше дело правое.

Сергеенко подкрутил положение креплений, разместив экраны вспомогательных ноутбуков по краям от основного монитора.

– Поверить не могу, что титаноход дал отклик, – сказал он. – Может, у «Лунарушки» с ним больше совместной электроники, чем мы думали.

– Она на общей планете собрана. Ты все перепроверил?

– Могут возникнуть сложности с селенографией. Титан и Луна – не совсем похожие мячики. Сколько у нас времени?

– На нужный угол выйдем через пятьдесят секунд. Прости, Витя, замедлил бы для тебя станцию, но педаль тормоза что-то заедает.

Усмехнувшись, Сергеенко взялся за джойстики и посуровел.

– Надеюсь, наши астронавты нас не слышат, – сказал он. – А то ведь кинутся искать поломку.

– Их сейчас Хьюстон крепко отвлекает. – Артемьев вывел себе нужные таблицы. – За нами будут следить оба штаба. Ну, давай.

– Коля?

– Да?

– К чему такая важность? Что такого в «Фортитьюде»?

– О чем ты? – Артемьев посмотрел на специалиста.

– Ты меня понял.

Командир немного помолчал, подавляя желание оттянуть ответ. Не хватало еще сбить напарника с предстоящей задачи неожиданной новостью. И все же ответил.

– «Фортитюд» засек под собой воду, – сказал он. – Самую настоящую. Аш-два-о. Взял пробу и ориентировочно обнаружил в ней бактерию.

Сергеенко раскрыл рот, тут же закрыл снова и спросил:

– На Титане нашлась жизнь?

– Пока что лишь подозрение на нее, – ответил Артемьев, уже досадуя, что рассказал слишком много. – И этого достаточно, чтобы поставить титанианский проект в приоритет над нашим.

– Я понял, – проговорил Сергеенко, скрывая потрясение. – Хорошо. Давай вытащим этого увальня, где бы он ни был.

* * *

Приняв команду к пробуждению, «Хелли» прекратил отдых – завертел лопастями винтов, немного поднялся. Новый порыв ветра едва не оторвал ему половину пластикового тела, и беспилотник автоматически спрятался за куском нависшей скалы.

Будь у него голос, он бы плаксиво позвал старшего брата на помощь. Однако все, что было у «Хелли», – слабая радиосвязь, и он прощупывал ее планетоид, не понимая, почему тот оказался столь недружелюбным.

Старший брат тем временем сходил с ума от внезапного потока данных, которыми его бомбила орбитальная станция «Валентайн», щедро скармливая малознакомые строки кода прямо в кору электронного мозга, минуя несколько

ступеней защиты. Про «Хелли» он и думать забыл. Собственно, «Хелли» относительно старшего брата располагался в глубоком надире и был в данный момент ему до лампочки.

Получив цепочку команд, титаноход воспрянул духом и решительно двинул в грунт под собой металлической лапой, вытаскивая себя из пылевой насыпи высохшего озера. У него появилась цель.

Найти «Хелли».

* * *

– Найти «Хелли», – говорил Артемьев, хмуро следя за картой ветров над горным массивом спутника Сатурна. – «Фортитьюд» должен добраться до своего дрона.

– И все?

– Хьюстону удалось засечь сигнал о косметических поломках, который «Хелли» умудрился передать на орбиталку напрямую. Теперь они знают, где он. Но добраться до «Фортитьюда» дрон не сможет – слишком сильный ветер, его попросту снесет до Моря Лигеи. Если мы сумеем провести титаноход в зону радиосигнала «Хелли» и там задержать немного – американцы его перехватят и восстановят контроль.

– Понял.

Монитор перед Сергеенко перешел в сплит-режим, показывая фронтальные камеры «Лунарушки» и «Фортитьюда» одновременно.

– Окно через три... две... одну...

Ровный ряд лабораторных приборов напротив обзорного иллюминатора «Науки» внезапно осветился, отразил еле заметный лунный контур. Из-за тонкого марева земной атмосферы выплыл ее серый спутник.

– Поехали! – скомандовал Артемьев, и Сергеенко, стиснув зубы, вдавил кнопки на джойстиках. Обе картинки на мониторе задвигались почти синхронно. Лунный и титанианский горизонты пришли в движение.

* * *

Встрепенувшись, «Лунарушка» оттолкнулся от грунта обоими манипуляторами, покатился вперед по темной пустыне, подобно ребенку, играющему на пустой площадке в воображаемые титанианские приключения.

* * *

Повинуясь аналогичному сигналу, «Фортитьюд» пробивался сквозь бушующие потоки ветра практически вслепую. Манипулятор у него имелся всего один, зато достаточно массивный, чтобы сбрасывать с себя неизвестно откуда летящие камни. То ли их приносило ветром, то ли он сам выбивал их колесами, не привыкшими к подобной гонке. Оставляя за собой неровные колеи, «Фортитьюд» подобрался ближе к пологой скале и начал интенсивное восхождение.

* * *

– Так, мне не удастся заставить «Лунарушку» стоять на месте, – доложил специалист, успевая щелкать кнопками в не поддающейся анализу последовательности. – Я думал, буду управлять чисто титаноходом, но наш пупс дублирует его сигнал.

– Ну и пусть себе катится, – решил Артемьев. – Там все равно равнина. Побегает твой «Лунарушка». Ничего страшного.

– Если бы, – поежился специалист. – Там разломов куча.

Командир помолчал. У него имелось чересчур много информации, подлежащей незамедлительному осмыслению, чтобы отвлекаться на вероятностные побочные опасности.

* * *

Правое колесо «Лунарушки» заехало на застывший пласт анортозита – прокатилось по нему, теряя сцепление, проскрежетало юзом на внезапно вернувшемся грунте. Умные тормоза, столкнувшись с неожиданной сменой поверхности, предпочли ничего не делать – и луноход слегка подпрыгнул, склонившись влево градусов на десять, чтобы тут же вернуться в прежнее положение.

* * *

Получив внезапный, ничем не оправданный приказ склониться на десять градусов влево, «Фортитьюд» послушно выполнил команду и впечатался прожектором в нависавший сверху валун, разбив прибор вдребезги. Распределитель энергии сразу перекрыл этот узел, пометив его как нерабочий. От питательных солнечных лучей его отделяли четыреста километров почти сплошных облаков, а собственные батареи потратили слишком много сил на избыточную картографию. Добраться до родного беспилотника оставалось приоритетной задачей для обновленного интеллекта упорствующей машины.

Однако в данный момент задача эта была сущей абстракцией, потому что перепрошитый ум «Фортитьюда» совершенно не помнил, что у него был какой-то «Хелли».

* * *

– Очередное окно возможностей, – быстро проговорил Артемьев. – Часть памяти с поддержкой «Хелли» перезагрузится лишь через сорок секунд. А через минуту «Лунарушка» может опрокинуться.

– Как?! – спросил Сергеенко, сглотнув. – Почему?

– Мы проедем по краю кратера Сомервиль.

– Он не должен быть восточнее?!

– Карта снова обновлена. Нет, извини.

– Давай, братишка, – процедил Сергеенко. – Не подведи.

* * *

«Лунарушка» продолжал катиться вперед, шевеля в безвоздушном пространстве клешнями, словно ловил отдельные атомы водорода или аргона. Быть может, ему удавалось даже найти нечто подобное. В другое время он бы остановился и бережно собрал все, что удалось найти, так как «Лунарушку» учили не пренебрегать любыми драгоценностями, а учился он хорошо. Сейчас же имелось приключение поважнее. Настолько, что системы противодействия возможному опрокидыванию оказались выключены, чтобы не вмешаться ненароком в управляемый забег.

К траектории его езды опасно подобралась траншея, недовольная внезапным гостем. Приблизилась – и снова отступила, не желая снисходить до пробегавшего рядом выскочки. Миллионы лет давали этим землям право пренебречь секундным визитом восьмиколесного торопыги.

* * *

«Фортитьюд» напряг гироскопы, стремясь удержаться на склоне, становящемся все более крутым. Движение требовало больше усилий с каждой секундой. Помочь себе механической рукой титаноход не мог, чтобы случайно не зацепиться снова.

Внезапно в электронной памяти всплыл образ «Хелли». Вспомнив, зачем он здесь, «Фортитьюд» как следует встряхнул свой радиоизотопный генератор и оттолкнулся колесами от осыпающейся породы. Шины, испещренные алюминиевыми шипами, вытолкнули тяжелое тело на самый край склона, над которым наворачивал круги беспилотный во всех смыслах летун.

* * *

– Двадцать секунд! – чуть не проорал Артемьев. – «Хелли» пингуется в окне, есть контакт! Подводи к нему!

– Остановлюсь на вершине, он опустится...

– Нет! Буря на подходе, «Хелли» не успеет сесть! Лови его рукой и выводи на хрен оттуда!

* * *

Будто красуясь перед мифической публикой, «Лунарушка» грациозно выставил клешню и начал ловить невидимых мух. Ярко освещенная чаша Лангрен осталась позади. Впереди ощерились опасные рытвины кратера Сомервиль.

* * *

Беспорядочно клацая рукой перед собой, забивая пылью узлы, «Фортитьюд» перевалил за уступ, двигаясь к родному дрону. «Хелли» вертелся, крутя в титанианском воздухе выпущенными ленточками, заботливо прикрепленными специально на подобный случай.

А с запада к нему двигался небывало мощный пылевой поток, из которого уже летели первые крупные камни. «Хелли» оставалось существовать несколько мгновений.

Но тут под ним пронесся панцирь «Фортитьюда», от турели которого взметнулся семисуставный манипулятор, на полном ходу схвативший «Хелли» за одну из ленточек, утаскивая его за собой, подальше от чужой стихии, навстречу спасительной кальдере. Секунда – и титаноход с дроном уже неслись по очередному склону, объединившись в одно целое.

* * *

– Ура! – завопил Сергеенко, хлопая себя по лбу ладонями. – Есть! Так, командир, передай нашим, что... ты зачем правый экран выключил? Включай быстро, я хочу

видеть нашего героя!

Артемьев протер внезапно зачесавшийся глаз, коснулся клавиатуры – и застыл. Обнаружив то, в чем не мог заподозрить себя за все девять лет бурной космической карьеры.

У него дрожали пальцы.

Клацнув по кнопке, он вернул специалисту сигнал с «Лунарушки», который до этого благоразумно выключил, чтобы не мешать ему заниматься титаноходом.

И отвел взгляд.

– Что? – пробормотал Сергеенко, у которого вмиг перехватило дыхание. – Как... что?

* * *

«Лунарушка» катился вниз со скоростью, не считавшейся безопасной даже по лунным меркам. Вернее сказать – падал, потеряв половину колес, правый манипулятор и солидную часть обшивки. В своей гонке он давно вышел за безопасные скоростные ограничения, перегрел все что можно и чего нельзя, но защитные системы, удаленно выключенные Артемьевым, молча все стерпели.

В таком состоянии его встретили острые, твердые выступы стен кратера Сомервиль.

Первый угловой удар «Лунарушка» встретил, героически жертвуя колесом, зато второй привел к заносу – и луноход повернулся к опасности боком, не в силах противопоставить алюминиевые шипы вселенским камням, выдержавшим миллионы оборотов вокруг голубой планеты. Обнажившиеся механизмы напоролись на острые углы, оставляя им в плату своему прибытию самих себя вместе с пучками вырванных проводов, узлами и жизненно важными сочленениями.

«Лунарушки» уже не существовало. Вниз по склону, навстречу вечной темноте глубокого ущелья, беспорядочно катились отдельно взятые куски передового

лунохода, который по горькой участи являлся единственным носителем технологии плазмокристаллического сканирования. Вскоре исчезли и они.

Солнце еще немного поискало «Лунарушку» в поле зрения и быстро забыло. Следы протекторов на узкой перемычке между двумя кратерами навечно остались единственными доказательствами чужого подвига.

* * *

– Что ты сделал? – спросил Сергеенко, тяжело дыша.

– Закончил миссию. – Артемьев устало отцепил ремни и, глянув на крышку ноутбука, захлопнул ее в бешенстве. – Мы закончили. Ты закончил. Витя, ты молодец.

– Ты знал, что там склон, – говорил специалист. – Ты же видел все... почему ты не приказал остановиться?

– Мы бы потеряли «Фортитьюд».

– Мы потеряли «Лунарушку»!

– Витя, – посмотрел командир с болью в глазах. – Все кончилось. Отдыхай. Я отчитаюсь в штаб.

Витя дернул щекой, сжал руки в кулаки. Открыл рот, чтобы что-то сказать. Медленно прикрыл глаза. Открыл их снова. Сделал глубокий вдох и выдох.

– Я хочу побыть один, – сказал он тихо.

– Спасибо, – произнес Артемьев. – Теперь...

– Уйди.

– Хорошо.

Вылетев из «Науки», командир задвинул перегородку и прислонился к ней лбом. Казалось, станция сжимается вокруг него, стискивая, сдавливая, стирая что-то очень важное, оставляя лишь числа и протоколы...

– Николай!

– Да, – он тут же придал голосу былую уверенность. – Мерфи, скажи им, что я сейчас буду. Пусть принимают поздравления!

Двигаясь по отсекам к «Коламбусу», командир Международной космической станции Николай Артемьев, спасший титанианскую миссию, формировал в голове пункты устного отчета. Не было сомнений, что случившееся предельно ускорит прибытие на МКС ближайшего корабля для демонтажа ящика в «Науке» и последующего анализа. Подходящий повод поднять вопрос о досрочной ротации состава. Если повезет, им с Сергеенко находиться в общем замкнутом пространстве останется совсем немного времени.

* * *

От здания ЦУПа до парка было всего ничего. Отказавшись от услуг шофера, бывший командир миссии МКС Николай Артемьев пешком прошел в «Коржевские культуры», ведя внуку за руку. Там он, укутавшись в пальто, уселся на скамейку, стараясь не смотреть на небо. График пролета станции над Москвой он помнил наизусть. Сегодня он хотел видеть деревья, голубей и внуку.

Он сидел, не думая ровным счетом ни о чем, наслаждаясь роскошью права отказать себе в любых размышлениях. Он сидел так, пока рядом на скамью не опустился молодой человек в синей куртке, с воротника которой свисали затычки наушников.

Оба сидели молча, наблюдая за девочкой, возящейся с радиоуправляемой игрушкой.

– Выяснили, что там случилось? – спросил Артемьев.

– Выяснили, – ответил Сергеенко, не глядя на него. – Во всем виноват «Хелли».

– Вот как?

– Да. При приземлении одна из строп зацепилась за сложенные винты дрона. Он сместился, замкнул датчик позиционирования на «Фортитьюде», и тот через пять с четвертью минут решил, что находится намного севернее, чем должен был. Решил вернуться на место, угодил в щель, провалился на подветренную сторону. Дрон полетел его искать, его унесло еще дальше. Не стоило амерам запитывать хаб навигации по внешней стороне корпуса.

– Такая мелочь, и едва все не испортила, – проговорил Артемьев.

– Да. – Сергеенко хлопнул себя руками по коленям. – Знаешь, я ни разу не спрашивал тебя, зачем ты это сделал. Все думал, что смогу понять сам. Я же космонавт как-никак. Это был мой первый полет, а ты орел опытный. Думал – надо успокоиться, в спальнике отлежаться, на Землю вернуться, наконец. Выпить крепкого, вдруг поможет?

– Помогло?

– Да я ж не пью, ты знаешь. На реабилитации отлежался. Все ждал, когда же прозрение явится. А оно так и не пришло. Я и пошел на сделку с совестью. Сказал себе – хрен с ним, с космосом, найду Артемьева, схвачу за воротник, загляну в глаза и спрошу: зачем ты, пердун старый, пожертвовал «Лунарушкой» в пользу «Фортитьюда»? А потом, каким бы ни был ответ – подам в отставку.

– Это еще зачем?

– За то, что спросил. За то, что сам не понял.

– Ты хороший космонавт, Витя, – вымолвил Артемьев. – Не нужно тебе этого. Сам сказал – ты только начал. «Лунарушка» был единственным носителем плазменных кристаллов в таком количестве, это верно. Но технология никуда не пропала, Коля. Она в твоей голове. Ты можешь ее воссоздать.

– Не уверен, что оно того стоит, – криво усмехнулся Сергеенко. – Почитал тут новости. Знаешь, что народ пишет про ту миссию?

– Догадываюсь.

– «Фортитьюд» – блистательный успех американцев, прорыв, передовые технологии, инвестиции, грандиозные планы на будущее. И на фоне этого – тупоголовые ватники, разбившие драный луноход при первой высадке. Представляешь, каково мне было это читать?

– А ты не читай всякую чушь, – чуть повернул голову Артемьев. – Ты же знаешь правду.

– Да тут неправды всего ничего. Мы оба знаем, что луноход был не драный. А с остальным, знаешь ли, даже не поспоришь уже. Тебе неинтересно, что в Сети пишут? Ну, пусть. Только я смотрю, даже у такого дерзкого орла, как ты, внучка вовсе не с луноходом играет.

Словно услышав, девочка подняла милое личико на мужчин, продолжая поправлять на шестиколесной машинке манипулятор-антенну.

– Это «Фортитьюд», – пояснил Сергеенко.

– Да? – всмотрелся Артемьев. – Точно. Я и не заметил. Я же после реабилитации внучку впервые увидел. С какой игрушкой она пришла, с той и играет.

– Да ты пойми, что других игрушек в магазинах сейчас нет! Ты, русский космонавт, в космическом парке отдыхаешь, а твоя внучка между тем с американским титаноходом бегаёт! «Лунарушки» в продаже нет, ни одного! Потому что никому он не интересен! Ты соврал мне тогда, что ЦУП дал добро на спасение титанохода даже такой ценой, в то время как они напрямую запретили рисковать «Лунарушкой»! И тебе не позорно самому сидеть тут с мыслью, что ты, командир миссии, слил наши технологии и репутацию в пользу американцев?

Артемьев вскочил с места с энергией человека, который словно и не покидал родную планету.

– Да что ты несешь, дурак?! – вскричал он, напугав внучку. – При чем тут «американцы – не американцы»? Это космос! Он выше политики, всегда был и всегда будет! Почему я выбрал «Фортитьюд»? Ты мне скажи – ты хочешь, чтобы

мы на Титан полетели? Не лично мы с тобой, нам вряд ли предстоит снова вместе работать. Да и космос мне теперь закрыт навсегда, мне свой век в инструкторах доживать в лучшем случае... Но и не делай вида, что ты не понял вопроса.

Чуть потупившись, Сергеенко уклончиво мотнул головой.

– Так вот, мне предстоял сложный выбор, и я его сделал! – не унимался Артемьев. – Пойми, что, когда космонавт отправляется на МКС, не важно, с каким заданием, – он отрабатывает не приземленную задачу. Он отрабатывает глобальную – быть выше и дальше. Образец живой бактерии, возможно, умирающей, а то и последней на планете, – шанс человечества найти ответы на кучу вопросов. Успех той американской миссии – это успех всего мира. Наш успех, Витя! Если бы «Фортитюд» разбился, мир мог бы забыть про Титан навсегда или больше ничего там не найти. Да и никто бы туда живьем уже не полетел. Десять лет в одну сторону и столько же обратно – должна быть достойная причина. Жизнь на Титане – как раз такая из них. И сейчас у нас, у всего мира, есть шанс.

– Шанс на что? Проторчать в дублерах, глядя, как мир движется вперед? Ждать, пока «Юйту-3» отыщет остатки «Лунарушки» и перевезет в Пекин?

– Можешь застрять в дублерах, твое право. Можешь подать в отставку. А можешь остаться и развивать свое так, как ты умеешь! Витя, не делай вид, будто ты получил Героя России ни за что. Ты это заслужил. Удаленное управление планетоходом в реальном времени – это, по-твоему, несерьезно? Да еще таким, который может в режиме живой связи, просто из камней, собрать базу за десять лет до того как туда придут первые колонисты. Перепрошивка чужого модуля с практически несовместимой платформой! Перехват инопланетного аппарата! Совместный контроль флотилии из двух и более космоединиц самоходной техники, находящихся в разных точках Солнечной системы! Прорывное раскрытие потенциала плазменных кристаллов, которые только ленивый прикрыть не пытался. Мне ли тебе объяснять, что это значит для военных, для научных центров, для притока денег в нашу издерганную отрасль? Витя, да ты поднял Родину так, как сотня патентов не способна. Как не могут триллионы рублей. Тебе ли жаловаться? Или ты славы хотел?

– Николай Петрович, – тихо произнес Сергеенко, и сердце Артемьева отдалось болью. Давно так сидящий перед ним космонавт его не называл. Со времен

первой учебки.

– Что, Витя? – сказал он.

Сергеенко поднял глаза, в которых застыли недостижимые звезды.

– Вы мне тогда сказали, что космос воплощает мечты, – проговорил он.

Одинокая слезинка прокатилась по гладко выбритой щеке Артемьева, и он, поспешно вытащив платок, промокнул ее. Привычка экономить каждую каплю воды, чтоб ей пусто было.

– Да, сказал, – подтвердил он с дрожащим подбородком. – Но не говорил, что это будут наши мечты.

Молодой специалист моргнул, и звезды превратились в черные дыры.

– Увидимся в Центре, – сказал он, встал со скамьи, резким шагом направился прочь.

Вздохнув, Артемьев подошел к внучке, улыбнулся ей, протянул руку. Какая же это роскошь – ни о чем не думать...

– Будешь сок? – спросил он.

– Буду! Я знаю, где тут мороженое продают! Ты в космосе был, когда магазин открыли! Пойдем покажу!

– Эй, не скачи так, стрекоза, – посетовал Артемьев. – Дай-ка порулить этой штукой. Тогда и будет тебе мороженое.

Взяв пульт от игрушки, он пощелкал рычажками. Пластиковый «Фортитюд» заиграл пародию на «Sweet Home Alabama», засверкал огоньками, поехал вперед, по аллее. Следом за ним вприпрыжку двигалась счастливая девочка с белыми, синими и красными бантиками. Последним в колонне, подняв воротник и ссутулившись, двигался русский космонавт, не претендуя в этой процессии на более почетное место. И лишь всевидящее Солнце замечало в его широкой

ладони невидимый прохожим пульт, отбрасывающий на аллею широкую тень.

2 марта 2021 г.

Эльдар Сафин

Внуки блокчейна

СУПЕРНОДА «ТЕПЛЫЙ БУНКЕР»,

БЛОКЧЕЙН ОРБИТЫ ЗЕМЛИ

– Папа?

Процесс инициализации еще не закончился – то есть, если говорить на языке олдов, очнулся я еще не полностью.

Аленка заставляла меня учить этот устаревший язык, утверждая, что то, на чем говорят майнеры – они же люди в современном понимании, – всего лишь технический суржик.

Поначалу я сопротивлялся, тем более что позиция у меня была, на мой взгляд, твердая: язык развивается вместе с меняющимся человечеством, и если твой организм стал программным кодом, который ты можешь менять, то нет смысла называть работу с багами/ошибками самолечением.

Но однажды я осознал, что это огорчало мою жену, – и подтянул понятийную базу. Кстати, это сильно помогло мне в чтении старых книг, и многие моменты, которые я ранее понимал смутно и без уверенности, теперь стали совершенно прозрачными.

– Папа!

Это Лика: наша вторая дочь. Первая, Танита, уже лет сорок как отправилась в Блокчейн Ганимеда, занимается там какими-то научными исследованиями. Она так далеко и занята настолько недоступными мне вещами, что я время от времени порывался перекинуть воспоминания о ней из своей памяти во внешние хранилища, но Аленка нет-нет, да вспомнит про Таниту, и было бы неловко, если бы я не смог поддержать беседу с женой о дочери.

– Папа, если ты сейчас не ответишь, я тебя отформатирую и загружу заново!

– Убью и воскрешу снова, – поправил я дочь. – Говори по-человечески.

– Папа, я майнер и говорю по-майнерски, – жестко ответила Лика. – Кстати, вчера вы с мамой погибли.

Я тут же потянулся к новостным каналам и обнаружил, что отрезан от Сети. Ну конечно, если я погиб, то Блокчейн считает меня мертвым, и воскресить меня можно только локально. Именно на этот случай я в свое время сделал качественный бэкап – снял с себя полную копию – и каждый вечер подгружал в него снапшоты – то есть изменения, которые произошли со мной со времени последней загрузки.

Об этой копии знала только Аленка. Но она мертва, а подняла меня из бэкапа – то есть, конечно же, воскресила, если по-человечески – Лика.

– Откуда у тебя доступ к моему бэкапу?

– Папа, ты читал сказку про Синюю Бороду?

Ну да, я ее читал, в списке прочитанного она есть. Но, видимо, сюжет меня не впечатлил, потому что все, кроме названия, я из памяти удалил.

– Напомни, – попросил я.

Лика тут же кинула в меня полный текст, который я за долю секунды прочитал. Если бы с нами была Аленка, мать Лики и моя жена, она бы такого не одобрила.

Она вообще считала, что все достоинства и преимущества Блокчейна, включая наше бессмертие, почти мгновенную работу с информацией и быстрые перемещения между Блокчейнами Солнечной системы, – временными подарками, от которых нам всем рано или поздно придется отказаться.

И что самое смешное – около полутора лет назад это время пришло. Реконкиста на терраформированную заново Землю началась... И тут же заглохла. Потому что нескольких десятков олдов недостаточно для заселения планеты, а майнеры отнюдь не рвались покинуть цифровой рай ради копания в грязи, болезней и неминуемой смерти – и все это в условиях, когда ты не можешь ничего забыть или вспомнить по собственному желанию.

И около трехсот миллионов майнеров, представителей современного человечества, просто саботировали Исход.

Чистая, свежая, обновленная Земля, которая несколько веков отдыхала и перестраивалась после целого ряда техногенных катастроф, оказалась никому не нужна. Автоклавы, готовые производить тысячи тел, стояли без работы, а те редкие отщепенцы, которые все же решились покинуть Блокчейн, писали из реала странные послания о том, как там хорошо, но за текстом читалось, что они растеряны, испуганы и отнюдь не счастливы.

– И при чем здесь Синяя Борода?

– Ты лет десять назад передал мне управление нашей супернодой. Помнишь? «Теперь ты отвечаешь за то, как наш сервер выглядит в глазах всего мира». Можно сказать, дал мне ключи от замка. Вот только несколько дверей оказались закрытыми. И можешь мне поверить, нет ничего более интересного, чем закрытые двери в замке, ключи от которого ты получаешь!

– Ясно. – Я даже не стал интересоваться, все ли тайники она вскрыла. Лика всегда была крайне основательной, значит, она добралась до моих архивов. – Почему меня вообще восстанавливаешь ты из незаконной копии, а не Блокчейн из официальной?

– Вы с мамой погибли во время перехода из земного Блокчейна в лунный, официально считается, что была вспышка на Солнце и часть серверов на орбите Земли повреждена, как итог – вы не только не смогли попасть на лунную орбиту,

но и Блокчейн потерял ваши копии за последние две недели, то есть по закону вы являетесь официально мертвыми.

Раньше не было этого ограничения в две недели. Если тебя потеряли, если твой код оказался заражен – и лечение подразумевало потерю существенной части твоей личности, – тебя просто восстанавливали из последнего стабильного бэкапа.

И всем было плевать, сколько времени назад был сделан этот самый «последний стабильный». День? Месяц? Год назад? Да хоть век! Восстановят – и глазом не моргнут, а потом знакомые будут удивляться, почему ты не помнишь того, что произошло пару лет назад.

Но незадолго до старта Исхода Блокчейн поменял политику безопасности, причем я даже помню этот момент: я как владелец суперноды был в числе тех, кто голосовал за это изменение. Тогда было много таких мелких на первый взгляд вещей, которые делали Блокчейн чуть менее привлекательным.

Абсолютное бессмертие майнеров тоже попало под раздачу. И если у тебя нет официальной копии младше двух недель – то в случае уничтожения тебя-текущего ты считаешься мертвым.

– Официальное заявление было?

– Конечно. Кидаю.

Я пробежался по тексту. Мы с Аленкой были не последними майнерами в Большом Блокчейне, объединяющем все восемь Блокчейнов Солнечной системы. Точнее, майнером был я, а она – одним из нескольких десятков олдов, родоначальников Блокчейна, переселившихся в цифровые копии из белковых тел более четырехсот лет назад.

В заявлении сухо говорилось о том, что наша гибель – результат ряда совпадений и халатности нескольких майнеров и что мы вместе с Аленой пропагандировали Исход, и есть надежда, что наша смерть не будет напрасной.

– Я пропагандировал Исход? – уточнил я у Лики. То есть понятно, что сам я знал ответ на этот вопрос: однозначное «нет». Но со стороны оно могло казаться и совсем по-другому.

– Пап, ну не тупи. – Лика наверняка напихала в сообщение эмодзи, но выставленные на общение с дочерью фильтры все срезали, поэтому нюансов этого ее «не тупи» я не распознал. – Тебе всегда было пофиг на Исход. Мама же считала, что для человечества это важно, но никому и никогда не навязывала своего мнения.

– Знаешь, Лика, у меня есть одна очень странная мысль, – сказал я и потрогал запертые порты-двери, скрывающие меня от Блокчейна. Как я и думал, Лика закрыла меня так, как я в свое время учил ее. Открыть порты я мог в любой момент. – Я думаю, что наша смерть была не случайной. Я думаю, что нас с мамой убили.

– Ты восстановишь маму? – уточнила Лика.

– Если мы погибли случайно – нет, – ответил я. – Ты же знаешь, в некоторых вещах мама была ужасно старомодна. А вот если нас убили – то да, мы воскресим маму.

НОДА «ЗЛОЙ ГУСЬ»,

БЛОКЧЕЙН ОРБИТЫ ЗЕМЛИ

Майнеры живут вечно.

Эта расхожая фраза – чистая ложь. Меня, к примеру, вчера убили. А еще каждый майнер имеет право на самоубийство, также можно совершить антиобщественное действие, которое приведет к физическому выходу серверов из строя или нарушению работы Блокчейна более чем на шесть секунд в части любого из его сервисов, за что Блокчейн автоматически выключит тебя из реальности без суда и следствия.

Также можно подцепить зловреда – вирус, который выжирал бы твой код изнутри, непредсказуемо меняя твою личность до тех пор, пока какая-нибудь из супернод не поняла, что с тобой что-то не так, и Блокчейн не уничтожил бы тебя в отстойнике, препарировав твой код на предмет изучения вируса.

Ну и самое непопулярное и редкое решение – майнер может отказаться от жизни в виртуале, получить живое тело, выращенное в автоклаве, возрастом от шестнадцати до двадцати одного года, и умереть лет через сто в реальности, впахивая на благо будущих поколений.

И при этом большая часть намайненных – то есть родившихся в рамках Блокчейна – прожила уже несколько веков и имела все шансы прожить еще не одно тысячелетие.

Тем более печальным был тот факт, что лично я с точки зрения Блокчейна был мертв, а значит, обнаружив меня в Сети, он просто выключил бы меня, то есть – убил бы снова.

В этом сила Блокчейна: нельзя скопировать человека, в Сети в любую точку времени может быть только один официальный Леша Киханов, а если он умер – то ни одного.

Поэтому мне требовалась чужая личность, кто-то, кто собирается вот-вот покинуть Блокчейн тем или иным способом.

Для разного рода незаконных операций в Блокчейне использовались несколько нод, которые время от времени закрывались, потом открывались под другим именем и в другом месте.

«Злой гусь» был наследником ноды, в открытии которой я участвовал почти триста лет назад, с кодом, не знавшим нормального дебага – сосунком, если говорить терминологией Аленки.

Никого из нынешних хозяев «Злого гуся» я не знал, но это и не требовалось – у меня был токен-ключ, древний, но не скомпрометированный, то есть вполне себе рабочий, позволяющий проводить на ноде любые торговые операции.

Я разместил запрос на покупку личности и провалился в список предложений, неожиданно обширный.

Разгадка оказалась проста: «Злой гусь» запаршивел, то есть к власти в ноде пришли мелкие мошенники, и почти все предложения были фальшивками, рассчитанными на неопытных ньюфагов, то есть новичков.

Такой же фальшивкой я пользовался, чтобы попасть в ноду: кусок кода, который говорит Блокчейну «я свой» и которому Блокчейн верит – ровно до того момента, когда он пристально взглянется в меня, поймет, что ни черта я не свой, и обрушит на меня всю мощь своих защитных ботов.

После небольшой чистки осталось три реальных предложения. Одно – личность самоубийцы, который просил немалую сумму в мощностях Блокчейна Луны, чтобы запустить там в новости сообщение, в котором он обвинял родителей, преподавателей, Блокчейн и даже каких-то ботов-искинов. Этого я откинул сразу: по письму мгновенно вычислят автора, найдут того, кто купил его личность, и прощай секретность.

Второе – девка, погибшая в схлопнувшейся ноде четыре месяца назад и обнаруженная только вчера во время планового анализа трущоб со слабыми, маломощными нодами. Продавал личность техник, который, собственно, и проводил аудит-анализ. Такая личность мне подошла бы идеально: никто ее не ищет, никому она не нужна, бесцвет, серая масса. Плохо было только то, что я привык к мужской личности, и как бы это ни было глупо в цифровую эпоху, стать в мгновение ока женщиной меня не прельщало.

Третье предложение было мутным: майнер из стариков, из одного из первых поколений, писал, что он слишком известен, устал и хочет отдохнуть. Он предлагал свою личность с доплатой, то есть берешь его личность, светишь ею по всем Блокчейнам Солнечной системы, еще и монетки капают – немного, но худо-бедно свести концы с концами хватит.

По имеющимся данным я вычислил автора объявления и проверил этого майнера через Вики: Рикки Тавес, действительно древний, из первого поколения. Участвовал в становлении лунного и марсианского Блокчейнов, писал код для симуляций реального мира, сотню лет владел ключевой супернодой и даже как-то имел двойной голос в совете Блокчейна Земли, правда, последние лет

двадцать от дел отошел и остался с обычным, таким же как у меня, одиночным голосом.

За этим предложением я чувствовал какую-то интригу, некую фальшь, возможно, даже гнильцу. Но пока мои фонды были закрыты в связи со смертью, денег-мощностей в моем распоряжении имелось совсем немного, и такое предложение выглядело настоящим подарком судьбы.

Я кинул акцепт на оффер, то есть написал, что готов принять предложение. Рикки ответил мгновенно – видимо, на оффере сидел бот-искин с соответствующими инструкциями.

– Ты кто?

– Я хотел бы остаться неизвестным, – ответил я.

И тут же понял, что меня уже всю сканируют, заблокировав в ноде «Злой гусь» так, чтобы я не смог сбежать, закрыв за собой порты.

Я мог бы отбиться, но это вызвало бы интерес Блокчейна, поэтому я позволил стороннему коду просканировать меня.

После процедуры секунд сорок ничего не происходило, а затем мне пришло приглашение в суперноду «Редьярд», и оно было не тем, от которого можно отказаться.

СУПЕРНОДА «РЕДЬЯРД»,

БЛОКЧЕЙН ОРБИТЫ ЗЕМЛИ

– Алонсо, друг мой, я рад, что ты еще жив, хотя не могу не признать – незаконность твоего пребывания в Блокчейне меня огорчает, – сообщил мне Рикки Тавес сразу после того, как заблокировал нас у себя в суперноде, отрубив Блокчейну любую возможность вмешаться в происходящее.

Я понимал, что нахожусь полностью в его власти – при желании он мог просто удалить мой код, и никто ничего ему бы не сделал.

– Тавес, то, что ты не сдал меня Блокчейну, означает, что я тебе нужен, – ответил я. – Перейдем к делу? Или ты так часто общался с олдами, что перенял их манеру общения?

Майнеры славились тем, что быстро решали вопросы. Большая часть торговых и даже личных операций совершалась в доли секунды – ровно столько, сколько выполнялся скрипт. Для олдов же это было неприемлемо: та же Алена считала, что, сокращая общение, мы лишаемся человечности.

– Та прав, Алонсо, абсолютно прав, я слишком долго общался с теми, кого ты называешь олдами. Они создали нас, друг мой. Их было слишком мало для возрождения человечества, и наше появление должно было исправить ситуацию. Но когда настал момент для возвращения в реальность, мы отказались. Даже я, на которого они рассчитывали, как на себя. Тот, у которого в коде императивно прописано, что я существую исключительно для того, чтобы однажды вернуться в мир свежего воздуха и плодородных пажитей, даже я – отказался.

– Можешь короче? – попросил я.

Рикки Тавес явно чаще общался с олдами, чем с майнерами. К тому же он наверняка держал в оперативке не одну сотню, а то и тысячу старых книг – все эти Сартры, Роулинш и Киплинги. По меркам майнеров Рикки был нефункционален, то есть безумен.

А по меркам олдов – почти совершенен. Олды могли общаться с ним на своем языке, на своем уровне. Алена наверняка знала его лично и считала джентльменом, то есть майнером-мужчиной, который соответствует высокому уровню человечности.

А меня он просто подбешивал.

– Попробую. – Рикки умолк ненадолго. – Нас создали для того, чтобы мы заселили Землю, когда она восстановится. Земля восстановилась, а мы отказались выходить из виртуальности. Вместо миллионов поселенцев на планету

спустилось менее полутора сотен, этого не хватит для восстановления популяции. Блокчейн не позволяет заставлять майнеров, но им управляют олды, которые мелкими изменениями политики безопасности пытаются провоцировать нас на Исход. Впереди кризис.

– Как это относится ко мне?

То, что рассказал Рикки, полностью соответствовало моим ощущениям, но пересказ банальностей никак не продвигал меня к разгадке нашего с Аленой убийства.

– Я дам тебе свою личность, и ты спустишься в ней на Землю.

– У меня есть задачи в Блокчейне, Земля меня не прельщает, – ответил я.

Земля не прельщала никого из майнеров. Фактически мы оказались абсолютно не приспособлены под ту цель, для которой нас создали.

– Я выполню твои задачи, – с неожиданной самонадеянностью заявил Рикки. – Ты ведь хочешь найти своего убийцу и воскресить Алену, так? Я тебе скажу, кто за этим стоит и что вообще произошло. Твоя загадка не стоит и выеденного яйца.

«Выеденного яйца» – это была так называемая идиома, фраза, привязанная к каким-то незнакомым обычному майнеру реалиям. Маркер, определяющий уровень культуры. В моем случае – из-за того, что я ее не понял – недостаточный.

– Итак: ты говоришь, кто убил нас с Аленой, и рассказываешь, как вернуть ее к жизни, а я за это спускаюсь на Землю с твоей личностью?

Сделка выглядела уже не так плохо. Конечно, необратимый переход в реал выглядел неприятно, но постоянный риск попасть под раздачу Блокчейна и умереть навсегда прельщал еще менее.

– Именно, – ответил Рикки.

– А зачем вообще кому бы то ни было, и тебе в частности, спускаться в реал?

– Лет семьдесят назад по одному проекту в марсианском Блокчейне мне нужна была поддержка олдов. Кстати, я тогда писал и тебе, и Алене, и еще куче майнеров и олдов. Но вас мой проект не заинтересовал. Зато привлек группу олдов, которые предложили помощь взамен на то, что, когда начнется Исход, я буду в числе первых. И всячески буду поддерживать Исход.

– И ты решил, что Исход не скоро, может, его вообще не будет, а проект надо двигать прямо сейчас?

– Именно. – Рикки некоторое время помолчал, затем продолжил: – Проект в итоге провалился, несмотря даже на поддержку. Ретроспективно: глупая была идея. Вы с Аленой оказались правы, когда просто проигнорировали мои письма. А я оказался в непростой ситуации. Я обязан спуститься вниз, в белковое тело, во всю эту грязь, в необходимость дышать, в невозможность попасть из одного места в другое, кроме как передвигая туда свое физическое тело! Я полтора года придумываю поводы не выполнять обещанное, мой статус упал ниже подпола, те, ради кого я жил, чье поощрение было для меня единственным благом, относятся ко мне как к предателю. Я должен спуститься на Землю.

– Но если туда спущусь я, ты не сможешь воспользоваться этим, так как будет считаться, что тебя в Блокчейне больше нет, – удивился я. – Зачем тебе это?

– У меня есть запасные личности, – признался Рикки. – Я передам на них все, что накопил за последние века, но, если я инсценирую самоубийство, Блокчейн разберется и вычислит меня, а если «я» спущусь на Землю, никто не будет разбираться.

В этом был смысл. Старик останется в милом его сердцу Блокчейне, богатый и без моральных долгов, а кто-то – например, я – спустится под его именем на Землю...

– А если я как-то раскроюсь? Если на Земле поймут, что спустился не ты?

– К этому времени я поменяю несколько личностей и затеряюсь где-нибудь в Блокчейне Ганимеда или Титана, – отмахнулся Рикки. – Я все рассчитал, мне достаточно пяти календарных суток.

– Если твое объяснение моей смерти и план воскрешения Алены покажутся мне неубедительными, я откажусь, – предупредил я.

– Отлично. – Рикки кинул мне сертификат, в котором было описано наше соглашение. Документ выглядел сносно, и я подписал его, после чего он стал частью меня.

Сертификат был личным: то есть он имел юридическую силу исключительно между нами, и ни Рикки, ни я не могли его нарушить, не изменив непредсказуемо собственный программный код.

– Начнем с убийцы: это Александр Грубенко.

– Отец Алены? – они, конечно, часто не ладили, но убить собственную дочь?

– Да, через семь миллисекунд после информации о том, что вы с Аленой погибли, Блокчейн воскресил Алену, но не четырехсотлетнюю, твою, а восьмилетнюю, ту, какой ее записали из белкового носителя, то есть из ее собственного тела на сервер в первый раз. И об этом сразу, мгновенно, узнали все хранители Блокчейнов и цепочки их заместителей. Я шестой заместитель хранителя лунного Блокчейна и одиннадцатый заместитель марсианского, так что был в числе тех полутора тысяч майнеров и олдов, которые узнали о случившемся сразу.

– Гроб часто говорил, что Алена после всех дебагов и рефакторингов – просто кусок кода, а не его настоящая дочь. – Я задумался. – Выглядит похоже на правду. Но если восьмилетняя Алена воскрешена, то мою Алену воскресить не получится, а значит, ты не сможешь выполнить наше соглашение.

Рикки расхохотался. Он явно продумал этот момент заранее:

– Алонсо, друг мой, даже если тебя съели – у тебя есть два выхода! Впрочем, не важно, не пытайся понять. Сразу после воскрешения восьмилетней Алены ее отец перевел ее на Землю, то есть вернул в восьмилетнее тело в реале, и сам также перешел на Землю. А это значит, что Алена стала смертной, и когда она умрет, можно будет официально воскресить ее четырехсотлетнюю копию.

– На это может уйти до сотни лет!

– И даже больше, – согласился Рикки. – Белковые тела из автоклавов лишены генетических заболеваний и заведомо здоровы, средний прогнозируемый срок жизни – сто сорок лет. Но тем не менее это – один из двух вариантов.

Да, Рикки был прав.

– А второй?

– Ты можешь спуститься на Землю и убить восьмилетнюю Алену. Время, которое пройдет между ее смертью и воскрешением твоей Алены из бэкапа, ты будешь считаться убийцей, но после воскрешения Алена скажет, что у тебя были свои причины, и обвинения с тебя снимут, максимум – причинение тяжкого вреда по неосторожности. Учитывая, как Грубенко провернул ваше убийство в Блокчейне, практически все майнеры будут на твоей стороне.

– Звучит крайне неприятно, кроме того – у нас нет бэкапа Алены...

– Бэкап есть, и Алены, и твой. Блокчейн был обманут, сервера не падали. Это выяснилось довольно быстро, но так как Грубенко успел быстрее, чтобы не поднимать волну и не рассказывать всем об уязвимости Блокчейна, мы были вынуждены объявить о вашей окончательной смерти. Я был в числе тех, кто голосовал за такое решение. Извиняться не буду, ты бы на моем месте сделал то же самое.

И здесь он был прав. Непогрешимость Блокчейна, который контролирует жизнь и смерть майнеров, – это некий абсолют, сомневаться в нем нельзя. При этом Блокчейн не так уж и редко ошибается или бывает обманут или взломан, и каждый раз его управителям приходится как-то покрывать произошедшее.

На месте Рикки я сделал бы то же самое.

– Но если я буду на Земле, а Алена воскреснет в Блокчейне, мы с ней окажемся в разных реальностях, – высказал я еще одно возражение.

– Ну что ты крашишься, как джуниорский код не ревью? – перешел на нормальный майнерский язык Рикки. – Во-первых, Алена из олдов и понимает свою ответственность перед человечеством, единственное, что удерживало ее от выхода в реал, – это твоё нежелание покидать Блокчейн. Она наверняка присоединится к тебе. А во-вторых – ты всегда можешь самоубиться там, в реале. И Алена найдет способ воскресить тебя из бэкапа в виртуальности.

– Я потеряю память обо всем, что происходило между бэкапом и смертью. Судя по всему, это будет довольно большой и важный промежуток времени.

– Хватит, это все отговорки. Я выполнил свою часть соглашения?

Я подтвердил, и сертификат, вживленный в меня, запустил последнюю часть соглашения – меня выключили, чтобы внедрить код, который для Блокчейна сделает меня Рикки, а затем снять бэкап для передачи в белковое тело.

И в самый последний момент ко мне сквозь все фаерволы и блокираторы пробилось сообщение от Таниты:

«Папа, ты где? Я в Блокчейне Земли, и я знаю, как все исправить и оживить Исход».

А потом я почувствовал боль.

ЗЕМЛЯ, ГАВАЙИ, ОСТРОВ НИИХАУ

Это были все мои ощущения: свет, тепло, металлический привкус во рту. Все они воспринимались как боль, просто разная – от уничтожающей и требующей предпринять хоть что-то до мелкой, нудной, пилящей где-то на фоне.

– Моргай, – сказала мне что-то мутное, находящееся напротив меня.

Звук этого слова я воспринял как очередное мучение, но тело среагировало тем, что моргнуло.

– Закрой рот, Рикки, если ты меня понимаешь. Отлично. Теперь открой рот, если тебе не нравится в твоём теле. Превосходно, спасибо. Никому, кстати, вначале не нравится, даже тем, кого вы зовете олдами, – то есть нам.

Глаза постепенно привыкли к свету – отнюдь не яркому, кстати, – и теперь я видел перед собой симпатичную девчонку, с виду лет пятнадцати, в светло-голубом, почти белом халате.

Имитаторы реальности, в которых я провел не один год, подготовили меня к визуальным образам, и я легко мог отличить стул от человека, а вот к ощущению собственного тела, слабого и болезненного, я оказался не готов.

– Хххэ... Хххэ... – попытался я высказать свое негодование.

– Молчи, твой речевой аппарат плохо подготовлен, придется разрабатывать. Рикки, мы готовим тела к загрузке, мышцы, внутренние органы, особое внимание – мозгу, конечно же. Но некоторые вещи еще отработаны не идеально. Первые дни ты будешь есть только жидкую пищу, потому что были случаи, когда люди пережевывали свои щеки или ломали зубы друг о друга. Могут быть проблемы со сфинктером зрачка... И не только зрачка, это тоже предусмотрено, не беспокойся. Также придется научиться говорить, ходить, кушать – ближайшие недели будут насыщенными. Кстати, меня зовут Катя. И – да, если я еще не говорила – то я из олдов.

– Хххэ... Хххэ... – сказал я.

У меня не было нескольких недель, я собирался разобраться со своими проблемами максимально быстро.

Интересно, почему никому в Блокчейне не рассказывают то, что мне только что сказала Катя?

* * *

Мною занимались трое – Катя, Джош и Ли. Ли в виртуале считала себя корейкой, а в реале стала негритянкой под два метра ростом.

– Этим я хоть немного скрадываю ущербность физического тела, – сообщила она мне с улыбкой.

Она, как и я, раньше была майнером. Но в отличие от меня – низкоуровневым, из трущоб. Пользы Блокчейну она почти не приносила, за две сотни лет у нее накопился гигантский долг, и отсутствие воображения – на которое тоже нужны ресурсы, которых у нее не было, – толкнуло ее на решение всех проблем через переход из виртуала в реальность.

Она была очевидным примером того, что чем умнее и талантливее майнер, тем сложнее ему дастся решение о переходе в реальность – а потом адаптация к физическому телу. Олдам не нужно было гениальное человечество, им нужна была тупая масса. Они просто двигались не в ту сторону.

Джош, как и Катя, был из олдов. Он почти не говорил, предпочитая показывать все жестами: «иди», «ешь», «плыви», «хватай и неси в ту сторону», а когда я пытался что-то ему сказать, махал на меня руками.

Разгадку его поведения мне поведала Катя через пару недель после старта моей адаптации: оказывается, Джош так и не выучил эсперанто. Он знал исключительно американскую версию английского и за четыреста лет в виртуале не смог выделить пары дней на изучение общего языка человечества.

Кроме меня, в лагере было еще четверо майнеров, все – подавленные и медлительные, остро переживающие потерю своей реальности.

Я был единственным, кто с жаром принялся изучать все, что мне предлагали. Я ходил, ползал, плавал, копался в песке и рисовал на стенах мелками. Я издавал все те звуки, о которых просила Ли, играл в мяч с Катей.

Но душой я при этом был с остальными майнерами: потому что в физическом теле майнер ощущает себя так, будто ему урезали ресурсы, оставив едва ли десять процентов от того, что было.

Ты больше не умеешь думать быстро, не можешь переместиться, куда тебе нужно, мгновенно, не имеешь возможности прекратить общение в одну секунду, просто отрубив входящие порты.

Физическое тело – даже самое совершенное, самое сильное и ловкое – означало для майнера вечную инвалидность.

И только такие недалекие майнеры, как Ли, могли найти в этом изменении что-то хорошее.

* * *

К концу второй недели, когда я научился говорить и уже пытался радоваться легкому ветерку в тот момент, когда дневной зной сменялся вечерней духотой, Катя решила, что пора начать учить меня политгеографии и прочим нужным вещам.

Здесь я ее приятно удивил: я уже знал, что железо добывается из руды, а мясо до попадания в тарелку было живым и крякало или хрюкало.

Все это майнеры проходили, когда жили в имитации Земли – играх и симуляторах. По текущим законам, майнер не менее пятнадцати процентов своего времени должен провести в имитации реальности.

И майнеры так и делали. Но возвращаясь в сладостный виртуал, просто выкидывали ненужный хлам воспоминаний, освобождая память под более важные вещи.

А у меня почти все воспоминания о виртуальности были так или иначе связаны с Аленкой, и поэтому я их сохранял.

Впрочем, многое из рассказов Кати оказалось и полезным: то, что на текущем этапе мы используем холодный ядерный синтез, но как только наши технологии перейдут определенный рубеж, откажемся от него в пользу экологичной энергии – ветряных и гидроэлектростанций.

Выяснилось также, что от нас не ждут, что мы станем скотниками и лесорубами. Всю черную работу выполняют роботы.

Катя не сказала этого напрямую, но я так понял, что первое поколение одевшихся в плоть майнеров должно выполнить единственную функцию – породить

следующее поколение человечества.

Настоящее.

Это не прозвучало – но за словами Кати чувствовалось, что она считает нас каким-то техническим этапом. Суррогатным человечеством, которое было создано единственно для того, чтобы пронести земную культуру сквозь века и передать ее своим детям, которые в отличие от нас будут уже нормальными.

И это порождало внутри меня настоящий пожар. Меня вытащили из моего рая, закинули в чуждый ад, заставляют делать то, что нужно им, а не мне, – и при этом считают трэшем, бараклом?

– Чтобы полностью восстановить генофонд человечества, достаточно будет двух миллионов человек. Майнеров, которые наденут плоть и произведут потомство, хотя бы один к одному, то есть двое детей на каждую пару.

Для Кати за этими словами не было ничего, кроме светлой радости за грядущее человечество. Я же видел чудовищную трагедию двух миллионов майнеров, вынужденных не только покинуть свою идеальную обитель, но и обречь на страдание ни в чем не повинных детей, которых надо еще выносить, родить, а потом воспитать.

Когда я спросил ее про Александра Грубенко, Катя резко обрубил разговор – она не хотела о нем говорить. Джош меня просто не понял, только махал руками, как обычно.

Зато Ли, к моему удивлению, хотя и не смогла мне помочь с ходу, пообещала уточнить у остальных – у тех, кто был за пределами учебного центра и к кому меня пока что не допускали.

* * *

Гроб жил в «красной» зоне. Зеленая зона – учебные корпуса, автоклавы, лаборатории. Синяя зона – жилые корпуса, парки, заводы, стартовые площадки для ракет. Желтая зона – буферная между дикой природой и ареалом обитания мизерного пока человечества, контролируемая со спутников и роботами.

Красная зона – вся остальная планета, за исключением нескольких автоматизированных шахт и фабрик, хаотично раскиданных по Земле.

– Он совершил какое-то преступление в Блокчейне, – радостно рассказывала мне Ли. Она все и всегда делала с улыбкой, думаю, что, если ее начнут рвать на части крокодилы, она обязательно с восторгом будет им сопротивляться. Впрочем, едва подумав это, я тут же устыдился – Ли очень мне помогала. – У него хижина на востоке острова. Он там живет с дочерью и двумя роботами. У него настоящая маленькая дочка! Хотя автоклавы не делают людей моложе шестнадцати и старше двадцати одного!

Это понятно, Саша Грубенко был не из тех, кто соблюдает правила. В какой-то степени это относилось ко всем олдам, но именно Гроб выделялся даже на их фоне.

Четыреста лет назад Земля окончательно сдалась – жить на ней стало невозможно. Большая часть выжившего человечества отправилась к звездам, искать новые рубежи. Меньшая часть осталась на орбите. Именно они, эта меньшая часть, несколько десятков слишком старых, больных или трусливых людей, перенесли свое сознание в виртуальность и стали создателями моего человечества – майнеров.

Они стали нашими богами, теми, кого мы со страхом, почтением и в то же время пренебрежением называем олдами.

Гроб был в их числе. Он остался на орбите из-за неизлечимо больной восьмилетней дочери. Потом дочь выросла в виртуальности, изменила свой код, стала одной из основательниц первого Блокчейна.

Она стала моей Аленкой.

Гроб же, видимо, ждал, что она навсегда останется той восьмилетней девочкой, и его моя Алена ну совсем никак не устраивала.

И поэтому, когда появился шанс вернуться на Землю, он убил мою Алену – вместе со мной, так как я бы вряд ли смирился со смертью любимой, – и воскресил свою Алену восьмилетней из хранившегося у него бэкапа – древней

четырехсотлетней копии.

При этом он нарушил несколько законов и стал парией не только для Блокчейна, из которого сбежал, но и даже для своих, олдов, которые после этого постарались полностью обрубить все контакты с ним.

– Мне надо попасть к нему, – сказал я просто.

– Это невозможно! – радостно сообщила мне Ли. – Но я скажу твоим кураторам, чтобы они следили за тобой!

* * *

Жизнерадостная и недалекая Ли не успела никому ничего сообщить: она собиралась сделать это вечером, в конце смены, о чем сразу известила меня, а я сбежал после обеда, натолкав в карманы комбинезона сырных лепешек и яблок.

Стены, ограждающие зеленую зону, были, скорее, намеком в виде ряда столбов. Между синей и желтой зонами стен не было вообще, а вот за пределы желтой меня пытался не выпустить робот, трехметровая конструкция на гусеничном шасси, которая упорно бормотала «проход закрыт, опасная зона, прошу вернуться», пока я ломился вперед.

В конце концов робот остался позади, видимо, закончилась зона, в рамках которой он мог находиться, а я задумался: что мешало олдам впихнуть в эту конструкцию из титана и стали разум искина, который по разумности мало чем уступает майнеру или олду – разве что не умеет принимать сложные этические решения?

Но нет, они поставили совсем глупого робота.

И тут меня осенило. Олды глубоко внутри себя боятся того, что они уже не люди. Они окружили себя целой кучей зон, зеленая – они сами, синяя – майнеры, желтая – искины и тонко настроенные боты, а красная – тупые железки типа этого робота.

Они построили пирамиду, на вершине которой воссели как боги, а все остальные уровни просто поддерживают их божественность.

Размышляя об этом, я заблудился.

Будучи в Блокчейне, вы всегда знаете, где находитесь. Но в реальности само понятие места – размыто. Нет четкости адресов, портов, нет жестко прописанных правил. И даже координаты свои без дополнительных приспособлений узнать невозможно!

На короткий миг я запаниковал – еще один подарок от физического тела, о котором никто не предупреждает.

А потом сообразил – мы же на острове! Гроб на восточной оконечности, рядом с океаном. Значит, чтобы его найти, мне достаточно выйти к воде и идти вдоль линии берега!

* * *

Еще один подарок от реальности – умение терять время на всякой ерунде. На то, чтобы попасть из земного Блокчейна в марсианский, у вас уйдет часа два.

На то, чтобы пройти меньше десяти километров по джунглям и пляжу, слегка покружив в разные стороны, у меня ушло больше двенадцати часов.

Затем я пролежал в кустах около хижины больше полутора часов, прежде чем дождался того, что Гроб вышел из своего жилища и уверенным шагом удалился куда-то.

Дверь была не заперта, внутри в большом кресле сидел робот-андроид в женском платье, с зеркальным лицом-шаром, на котором были условно нарисованы губы, нос и глаза.

На коленях у робота располагалась восьмилетняя Алена.

Робот что-то негромко бубнила, не обращая внимания ни на меня, ни на то, что девочка отвлеклась. Судя по всему, андроид был совсем примитивный, даже глупее той машины, которая пыталась меня не выпустить из желтой зоны.

В Блокчейне нет детей: майнер рождается сразу взрослым. Я сталкивался с детьми в играх и имитациях, но поверьте – настоящие дети вызывают куда более сильные эмоции.

– У тебя есть другая одежда? – спросил я девочку после пары минут молчания.

* * *

Я стоял на обрыве над океаном, держа неприятную тяжесть на вытянутой руке, а внизу и чуть позади надсадно орал что-то Гроб. Еще одно в копилку фактов: в Блокчейне тебя обязательно услышат, если один майнер хочет что-то сказать, а второй – его услышать.

– Не подходи ближе! Я убью ее! – закричал я в ответ, надеясь, что Гроб все же не подойдет слишком близко.

Он подошел – мелкими, какими-то птичьими шагами-перескоками. Он боялся, дико боялся, но шел вперед, пока наконец я не смог расслышать его слова:

– Рикки, не делай этого! Скажи, что тебе нужно?

– Я не Рикки! Я Алонсо! Мне нужна моя Алена!

Гроб отшатнулся, и по его лицу было видно, что на какой-то момент он даже почти смирился с тем, что я убью его дочь.

– Твоя Алена не настоящая! – крикнул он. – Но если ты убьешь настоящую, жизни тебе не будет! Ни тебе, ни твоим дочкам! Я вас везде достану!

Блокчейн не располагает к мелодраматичным преступлениям. Но я читал книги, смотрел голо. Я знал, что ответить ему:

– Гроб, ты не в том положении, чтобы угрожать мне!

– Чего ты хочешь, Леша?

– Инсценируй смерть дочери! Сообщи в Блокчейн, что она погибла! Тогда мы сможем официально поднять ее взрослую копию из бэкапа!

И в этот момент я увидел, как от хижины отделилась и побежала к нам юркая маленькая тень – Алена.

Конечно же, я держал на вытянутой руке не ребенка – не настолько сильное тело мне досталось. Я держал кучу лиан, засунутую в детский комбинезон и накрытую панамкой.

Именно потому я не хотел, чтобы Гроб подошел ко мне ближе.

А еще я недооценил Алену – она досчитала до десяти тысяч гораздо быстрее, чем я думал.

Ну или схитрила.

Она вообще часто хитрила, и почему я решил, что ребенком она была более честной?

– Гроб! Решай быстрее! – заорал я, потрясая чучелом на вытянутой руке.

– Я согласен! Согласен! Я сделаю! – закричал он.

Но это вам не Блокчейн: здесь нет сертификатов, которые гарантируют выполнение сделки. Так что, когда через несколько мгновений живая восьмилетняя Алена обняла своего отца, а тот понял, что у меня в руках было всего лишь чучело, настал момент истины.

– Я даже больше сделаю, – сказал он устало. – Я инсценирую и свою смерть. Алонсо, я не хотел вас совсем убивать. Но у меня не было выбора. Автоклав управляется Блокчейном, а Блокчейн отказался восстанавливать детскую, настоящую копию Алены, пока была жива... твоя жена. Я думал, убью вас,

быстро подниму копию дочери, загружу в автоклав, мы уйдем в реальность, а вас Блокчейн восстановит. Но что-то пошло не так...

– Чертовы олды, – выдохнул я. – Все у вас не так. Блокчейн считает, что реальность – это еще одна его супернода. То есть пока ему не подтвердили, что ты и твоя маленькая Алена мертвы, он не может поднимать другие ваши копии.

– Так непривычно, – ответил он невпопад. – Майнеры, которые получают тела и становятся реальными людьми... Это именно то, что имела в виду твоя Алена – новое заселение Земли. Оно бы сработало, да? Если бы вы не держались так крепко за свою виртуальную реальность?

И в этот момент у меня словно сработал тумблер.

– Нет никакой виртуальной реальности, – сказал я, опустился на колени перед Аленой и медленно, аккуратно обнял ее, продолжая говорить с Гробом. – И обычной реальности нет. Это просто ярлыки. Есть общий мир, есть люди. И нужно, чтобы все это поняли, потому что противостояние – оно только внутри нас! Блокчейн считает, что реальность – это одна из его супернод. Олды считают, что Блокчейн – это просто виртуальная реальность на серверах на орбите. А на самом деле...

– Не надо! – заорал вдруг Гроб, голос его сорвался, и он захрипел: – Не надо! Фальстарт!

И в этот миг я краем глаза увидел, как к нам бежит та самая тупая робот с зеркальным лицом, со смазанными чуть глазами и носом. Она вытащила что-то у себя из груди, направила на меня и выстрелила.

Потом меня куда-то тащили, кто-то рядом причитал, что-то болтали, меня дергали и теребили, и разум неожиданно выделил оптимистичный голос Ли, которая заявила:

– Пульса нет! Сейчас мозг умрет!

СУПЕРНОДА «ТЕПЛЫЙ БУНКЕР»

Все же есть большая разница – очнуться с жуткими болями в живом теле в автоклаве или же осознать себя после поднятия бэкапа.

Я чувствовал себя отлично. После путешествия в ад реальности я был по-настоящему жив.

Я мог обратиться к своим архивам, бэкапам, прочитать любую книгу из сотен тысяч написанных человечеством...

– Папа, если ты сейчас не ответишь, я тебя отформатирую и загружу заново!

– Я жив... – ответил я.

– Да уж, Леша, задал ты нам жару, – этот голос я узнаю всегда.

– Аленка? Ты жива?

Выяснилось, что с момента моей смерти на Земле прошло больше месяца. Вначале был скандал, связанный с тем, что Блокчейн, делая мой предсмертный бэкап из живого тела, обнаружил, что я не Рикки Тавес, а Алонсо Кихано, ранее покойный.

Причем убила меня робот, которую параноик Гроб настроил так, чтобы она убивала любого, кто подойдет к восьмилетней Алене слишком близко.

Гроб так распереживался, что самоубился и забрал с собой дочку. Правда, тел их не нашли, только предсмертную записку.

– Они живы, – подтвердил я. – Смерть Алены-ребенка нужна была только чтобы поднять из бэкапа тебя. Рикки говорил, что тебя поднимут сразу, как только будет подтверждена смерть тебя-ребенка.

– И меня воскресили, – подтвердила Алена. – Нашли бэкап, все сделали как надо. А вот тебя хотели поднять из старого бэкапа, который был сделан одновременно с моим, перед нашей смертью. Мне пришлось поднять все свои связи, чтобы тебя взяли из последнего бэкапа, из живого тела. Ну, как там, в реальности?

Я чувствовал, что она ждет чего-то хорошего. Доброго. Уверенного.

– Непривычно, – ответил я.

* * *

Танита в Блокчейне Ганимеда с друзьями разработали принцип Общего Блокчейна, объединяющего реальность и виртуал и позволяющего одному человеку находиться одновременно только в одном месте.

При этом майнер, появляющийся в любом Блокчейне, автоматически получал гражданство Земли, а любой родившийся на Земле малыш в первые дни после рождения получал копию в любом Блокчейне по выбору родителей.

Майнер, который переходил в живое тело, мог в любой момент вернуться обратно в Блокчейн.

– Папа, процесс просто не должен быть необратимым! Потому что Блокчейн относится к реальности как к второстепенному, а реальность через олов к Блокчейну как к чему-то вспомогательному. Если признать их равенство как принцип...

Да, дочка, я это уже понял.

– Лет через двадцать я найду их, – сказала Аленка.

– Кого? – не сразу сообразил я.

– Отца... И вторую меня. Мне очень интересно, какой бы я стала, если бы не попала в виртуальность, а жила все время в реальности.

И я понял, что сочетание этих миров породит еще не один конфликт.

И мир еще вздрогнет.

Точнее – миры.

Марина и Сергей Дяченко

Масштаб

Он чувствовал себя животным в переноске. Кабину несли вручную – в нарушение всех инструкций. Пол раскачивался в такт шагам носильщика, и от этой медленной качки подступала морская болезнь.

Салон без окон, обшитый звукоизолирующим материалом. Большой экран на передней стенке. Четыре мягких кресла, но Лео в салоне один. Здесь просторно и даже уютно, если не знать, как эта коробка выглядит снаружи, не знать об «аварийной ручке», привинченной к потолку. Предполагалось, что ручкой не будут пользоваться, – но этот, снаружи, ухватился и тащит, будто корзину с рынка, демонстративно наплевав на правила и на пассажира.

– Я требую соблюдения протокола, – сказал Лео в микрофон ноутбука. – Используйте колесную платформу для перемещения кабины! Немедленно!

Снаружи прозвучал низкий рев, переходящий в инфразвук. Динамики воспроизвели голос в нормальном звучании:

– Чуть-плюнь потяни, детектив. Тута почти уже.

Звукоизоляция помогала, как пластырь при поносе. Этот, снаружи, говорил на местном простонародном диалекте, который был в принципе понятен, но звучал как издевательство.

Лео торчал в кабине третий час. Он перебрался сюда из самолета, через гофрированный рукав, и его заверили, что скоро он будет на месте. Но время шло, кабину куда-то везли, и Лео чувствовал каждый поворот, как выход в невесомость. Он обрадовался, когда поездка закончилась, – но тут уже носильщик бесцеремонно взялся за аварийную ручку, и Лео, конечно, будет жаловаться, но кому? Кого здесь интересует его удобство?!

Кабина устремилась вниз, будто падающий лифт, вздрогнула и замерла. Лео выдохнул сквозь зубы.

Сегодня утром он проснулся в отличном настроении: дело, которым он жил последние полгода, наконец-то завершилось. Суд принял во внимание все собранные улики. Женщина, обвиненная ложно, была полностью оправдана, прокурор выдал ордер на арест настоящего убийцы. Лео подал заявление об отпуске, шеф тут же подписал и с непривычным дружелюбием осведомился о планах на отдых. Лео пожал плечами: такие вещи он заранее не планировал. Полежать в постели, глядя в потолок, потом пробежать десять километров – с перерывами, потом сесть у компьютера, открыть сайт путешествий, поставить рядом чашечку кофе...

Он выпил кофе до половины, когда шеф перезвонил ему, и голос звучал так, что Лео чуть не залил клавиатуру: погиб посол в Альтагоре. По всей видимости, убийство.

– Вы понимаете, что это значит?! Не просто дипломатический скандал, а... Мир висит на волоске! Наши жизни зависят от того, как скоро преступление будет раскрыто! Убийцу надо вычислить немедленно и представить доказательства не только действий, но и мотиваций, да так, чтобы никто не посмел оспорить!

– Почему я?! – спросил тогда Лео, и ответ ошеломил его:

– Они запрашивают вас.

И вот теперь он сидел в кабине-переноске, и от низкого воя тряслись обитые пробкой стены – этот, снаружи, понятия не имел, как приглушать голос, а может быть, хотел нарочно досадить чужаку.

– Детектив, – механический голос в динамиках прозвучал бархатно, будто пытаясь интонацией извиниться за оригинал. – Тута! Вот посольство!

* * *

Трехэтажный особняк, добротный и даже величественный, был окружен палисадником. Кроме посла, тут жили секретарь, повариха и менеджер, причем

обслуживающий персонал работал вахтенным методом – по несколько месяцев. В Альтагоре сложные условия труда – не столько физически, сколько психологически.

Лео преодолел секундную дрожь в коленях, открывая дверь кабины, спускаясь по короткому трапу, шагая через палисадник к особняку. У самого порога он остановился, перевел дыхание и заставил себя оглядеться.

Он заранее знал, как устроено это место, но никакое воображение не могло заменить увиденного своими глазами. Особняк с территорией и рекреационной зоной находился внутри другого пространства – огромной пустынной комнаты с белыми стенами, комнаты совсем иного масштаба. Здание посольства было похоже на кукольный дом в углу просторной, лишенной мебели детской.

Единственное окно здесь было высотой с десятиэтажку. Вместо неба нависал потолок, страшно высокий – и в то же время оскорбительно низкий, давящий на подсознание. Сопровождающий, точнее, носильщик, который притащил сюда Лео, стоял у двери, в дальнем углу белой комнаты, хотя по инструкции уже должен был выйти. От великана воняло потным животным – и резким химическим духом, вероятно, так здесь представляют одеколон. Обширное брюхо казалось дирижаблем, а подбородок – ноздреватой и волосатой скалой. Великан поднял огромную руку и помахал – так, что Лео ощутил ветер на своем лице; великан был добродушен. Лео, скрипнув зубами, изобразил ответный жест. Проглотил горькую слюну, прижал к боку компьютер, другой рукой подхватил чемодан и поднялся на порог.

Дверь распахнулась раньше, чем он успел постучать.

– Господин детектив, наконец-то... добро пожаловать...

На пороге стоял секретарь посольства – Лео успел ознакомиться с его досье. Сорок лет, семейный, ответственный человек, отличные характеристики по работе. Бледен, явно растерян, смотрит на Лео как тяжелый пациент на доктора-светило.

– Нам объявили, что посольство эвакуируют, но только после расследования. Нам отрезали связь... оставив только официальный посольский канал... Мы не можем утешить наших близких, они же дома с ума сходят... В первые минуты мы

думали, что началась война!

– Может, как раз и начнется, – утешил его Лео. – Не торопите события.

Схему особняка он тоже успел просмотреть по дороге; просторный холл, широкая лестница, ведущая на второй этаж, – здание было спроектировано для приемов. Предполагалось, что нарядная толпа станет подниматься по этим ступенькам, а наверху будет маячить посол в черном смокинге, здороваться за руку, обмениваться приветствиями, и все это под негромкую музыку и звон бокалов...

Никогда здесь не будет веселой толпы. И не потому, что хозяин особняка мертв. А просто граждане Альтагоры много выше этого дома, и, чтобы приобщиться к веселью, им пришлось бы становиться на четвереньки и заглядывать в окна – одним глазом, прищурив другой...

– Мы отказались давать показания, – быстро говорил секретарь. – Она хотела нас допрашивать. Явилась сюда, эта великанша... мы заперлись... готовились к силовому варианту. Ей достаточно один раз пнуть по дому ногой, чтобы... вы понимаете. Хорошо, что связались наши дипслужбы... как-то утихомирили ее. Но она обязательно еще придет!

В кухне пахло выпечкой. Повариха, спортивная женщина лет тридцати, вытерла руки бумажной салфеткой:

– Господин детектив... Да, я пеку пирожки. А что еще делать? Мы все пытаемся чем-то себя занять. Сделать вид, что жизнь продолжается... Извините.

Менеджер, печальный и слегка опухший, сидел в глубоком кресле в комнате отдыха персонала. Бутылку он к приходу Лео спрятал, но запах спрятать не мог:

– С-спасибо, что вы прибыли... Посол наверху, мы ничего не трогали... Что теперь будет?!

– Я прошу вас, сограждане, – официальным голосом сказал Лео, – оставаться на местах и по возможности соблюдать спокойствие. Ситуация объективно сложная, а может быть хуже. Приготовьтесь.

Повариха нервно улыбнулась. Менеджер громко высморкался. Секретарь посмотрел на Лео с горькой обидой, как если бы доктор-светило оказался шарлатаном.

* * *

Кто такой посол на Альтагоре? Человек, занимающий декоративную должность. И еще он заложник. В условиях вечного кризиса отношений двух стран – никаких метафор. Заложник – тот, кого убьют, если договор о непричинении вреда, заключенный между Ортлендом и Альтагорой, будет нарушен.

Андерс Плот, тридцати шести лет, неженатый, выпускник юридической академии, лежал на полу в посольском кабинете, лицом вниз. На нем был черный смокинг – именно такой, как представлял себе Лео, воображая очередь гостей на парадной лестнице.

Посол был единственным человеком в особняке, кто выбирался отсюда во внешний мир. В этом заключалась его работа. Надев официальный костюм, он шел на дипломатический прием, либо на торжественный обед, либо на концерт – и часами находился среди великанов, занимая специально приготовленное кресло, улыбаясь и сохраняя достоинство, что чрезвычайно сложно, когда все вокруг ростом с башню и говорят почти инфразвуком.

Лео склонился над мертвым послем. В ушах покойного помещались наушники-вкладыши: бедняга не успел вынуть их, вернувшись в особняк. Наушники – слабое подспорье, потому что низкие голоса великанов проникают сквозь тело, заставляя вибрировать мягкие ткани и кости. Лео содрогнулся.

Его ноутбук пискнул, фиксируя входной сигнал. Вызов, который нельзя отклонить, и очень некстати. Лео ничего еще не понял в этой комнате и тем более ничего не решил.

Звонок повторился. Лео вышел из кабинета, прикрыв за собой дверь, и сел на ступеньку мраморной лестницы для приемов.

– Здесь Лео Парсель, я слушаю.

– С прибытием, – сказал женский голос по ту сторону связи. Осветился экран, Лео увидел сперва уголок рта, уехавший вниз, потом она отодвинулась от камеры: круглое лицо с большими скулами, волосы цвета соломы, саркастические злые глаза. – Мне нужно от вас немедленное согласие на изъятие тела из посольского особняка.

– Представьтесь, пожалуйста, – сказал Лео.

Женщина хмыкнула:

– Может, жопу показать?

– Не стоит, – Лео вздохнул. – Представиться – гораздо информативнее.

Сейчас они были с ней в одном масштабе: виртуальная связь их уравнивала. Ноутбук Лео удобно лежал у него на коленях, клавиатура великанши вместила бы спортивную площадку. В двух устройствах использовались разные технологии, но функция была единой – коммуникация. Где-то там, в другом помещении, воздух ревет и сотрясается от ее голоса, от огромного тела несет животным мускусом и химическим парфюмом, но здесь, на экране, она говорит по-человечески и похожа на человека. Настолько похожа, что Лео даже задумался: а узнал бы он по фотографии, что перед ним великанша?

Узнал бы, разумеется. По тончайшим деталям пропорций: скулы. Губы. Еще проще определять в профиль: линия подбородка...

– Меня зовут Эльза Бауэр, – медленно сказала великанша. – Я майор сыскной службы министерства обороны Альтагоры, и я веду расследование об убийстве посла. И если дело не будет раскрыто за двадцать четыре часа, договором о непричинении можно будет потеряться.

– Но это же прекрасно, – сказал Лео. – Война! Мы узнаем, как славно трещат наши дома, когда по ним топчутся в кованых сапогах. Один раз хорошо топнуть – и нет десятка таких, как я. А вы узнаете, правда или нет, что запрещенное биологическое оружие на самом деле не очень-то запрещенное.

– Ты сумасшедший? – спросила она после короткой паузы.

– Интересно, – сказал он задумчиво, – кому я здесь понадобился, я ведь далек от дипломатии и международных отношений. Я просто детектив. Кто надоумил ваше правительство призвать меня?!

– Я надоумила. – Она уставилась на него сквозь экран. – Дальше что?!

* * *

Его трижды приглашали преподавать в полицейскую академию, и один раз он почти согласился и даже провел пробное занятие. По итогам его слушатели были озадачены, а сам Лео ощутил себя сороконожкой, затеявшей урок танцев. Как этот дурак может раскрывать дела, спрашивали студенты друг друга в социальных сетях. Он же не видит логической связи между болтом и гайкой!

Лео не умел объяснить им – и никому, впрочем, – откуда в его голове берутся гипотезы и на чем строятся умозаключения. Его сознание было чем-то вроде котла, куда следует загрузить информацию обязательно сырой, очищенной от всяких предварительных интерпретаций, потом выждать время, ничего не делая, потом открыть крышку и вытащить готовый продукт. Когда в прошлом году к нему явился журналист и предложил написать книгу в соавторстве, Лео честно признался, что в последний раз писал художественный текст на выпускном экзамене в средней школе, и этот опус едва не стоил ему аттестата.

Журналист оказался настойчивым, в какой-то момент Лео решил, что проще дать согласие, чем объяснять, почему затея обречена на провал. Он потратил несколько часов, отвечая на вопросы журналиста, передал ему архив рассекреченных старых дел и тут же обо всем забыл.

Каково же было удивление Лео, когда через полгода он обнаружил себя на презентации, а свое имя на обложке. Со страниц отлично изданной, чуть пахнущей типографией книги на Лео глядел незнакомый человек, литературный персонаж, чья способность распутывать сложнейшие дела строилась на безупречной логике, а острый аналитический ум искал развлечений в постоянных парадоксах. Зачем-то журналист приписал своему герою любовь к шахматам – это была часть образа, как и вечно начищенные ботинки, как и походы в филармонию каждую неделю.

Книга имела оглушительный успех. Избыточная авторская фантазия спасла Лео от лишнего внимания: никто из благодарных читателей не мог узнать в блестящем герое прототипа, который вместо туфель носил тряпичные кроссовки, ненавидел шахматы с детства и давно забыл, где находится филармония. Тем не менее выдуманного детектива тоже звали Лео Парсель, и совпадение имен рано или поздно должно было сыграть с ним злую шутку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: <https://tellnovel.com/aleksey-pehov/navazhdenie-luchshaya-fantastika-2022>

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)